

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Александр Афанасьев

Однажды в Америке

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Афанасьев А. Н.

Однажды в Америке / А. Н. Афанасьев — «Эксмо»,
2018 — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя)

ISBN 978-5-04-092131-7

Его имя — Алекс Краев. Его город — Нью-Йорк. Его отечество —
Иностранный легион. Его бизнес — торговля оружием. Его бывшая жена
счастлива в однополном браке. Его сын давно не видел отца. Его обвинение —
агент Путина. Его миссия — спасти президента США и остановить третью
мировую войну...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092131-7

© Афанасьев А. Н., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	45
-----------------------------------	----

Александр Афанасьев Однажды в Америке

*Я, конечно, не ангел, но тебя не забыть,
Ты, конечно, не демон, но не помнишь меня...
Значит, мне возвращаться в дорожную пыль,
Маяки зажигать, если хватит огня,*

*Если хватит тепла, переждать до весны,
В темноте зажигая чужие сердца.
Дай мне голоса, ветер подпольной войны,
Чтобы все, что прожито, допеть до конца.*

Кошка Саика

Пролог

США, Вашингтон ДС

8 ноября 2016 года

В Нью-Йорке в этот день было холодно. Дул ветер – нехороший, пронизывающий ветер. Иногда он стихал, но то и дело принимался дуть вновь.

Страна выбирала себе президента.

Подошла к концу самая неоднозначная президентская кампания, по крайней мере за последние полтора века. Обе старые партии как рехнулись, выставив на гонку кандидатов один круче другого. Со стороны демократов – Хиллари Клинтон, супруга сорок второго президента США и сенатор от Нью-Йорка. Дама с крайне неблагоприятным бэкграундом, измазанная с головы до ног в политических и сексуальных скандалах, замешанная в чертовой тьме историй... она говорила столь много, что политтехнологам ее основного конкурента не составляло никакого труда найти на нее убийный компромат. Но тем не менее это был опытный политический боец, принятый всем американским политическим классом, входящий во все кабинеты, знакомый с большинством мировых лидеров и готовый исполнять обязанности президента Соединенных Штатов. Ей и отдавали победу все журналисты и аналитики. Ну, почти все.

Это был долгий путь – путь обратно, в Белый дом. На этом пути она растоптала и переехала очень многих – просто нельзя было по-другому. Она должна была номинироваться еще в 2008-м, но тут как назло вмешался чертов «золотой мальчик», с его новыми надеждами, правильным цветом кожи и потрясающим умением выступать перед людьми – что ей самой давалось тяжело. Она не умела говорить и не умела вдохновлять. Пришлось уступить – по всем раскладам у нее было тогда меньше шансов, чем у него, пройти в Белый дом. Ожидание затянулось на восемь долгих лет. Отдавая свой долг, золотой мальчик назначил ее госсекретарем США, и на этом посту она ввергла страну в тяжелую внешнеполитическую катастрофу, поддержав Арабскую весну и за несколько месяцев перечеркнув все десять лет усилий, утрат и огромных расходов на войну с террором. Дошло до того, что американские спецназовцы были вынуждены сражаться плечом к плечу с теми, кого только что выпустили из Гуантанамо, и это всего через десять лет после 9/11. На смену авторитарным режимам, которые снесла Арабская весна, пришла не демократия. Пришли кровь, ужас, гражданская война. Буквально за несколько месяцев «Аль-Каида» и другие исламистские группировки кратно нарастили свою численность и контролируемую территорию. Если в 2001 году «Аль-Каида» насчиты-

вала всего несколько сотен человек, а схожие с ней группировки имели совокупную численность максимум несколько тысяч – если не считать бандитов в Сомали и Палестине, – то теперь численность вооруженных и готовых на все джихадистов достигла нескольких десятков, а после начала гражданской войны в Сирии – нескольких сотен тысяч боевиков. Если в период 2001–2011 годов глобальная война с террором не выплескивалась за пределы большого Ближнего Востока, то после начала Арабской весны начался процесс интенсивного взаимообмена. Огромное количество беженцев, спасаясь от происходящего в их странах, бросились в Европу, среди них, конечно же, были и экстремисты, а навстречу им поехали «европейцы» во втором, в третьем поколениях, дети и внуки мусульман, приехавших в Европу работать, плохо интегрированные в общество, по-прежнему ощущающие себя чужаками. Тысячи и тысячи граждан благополучных стран ехали на Восток, чтобы, обогатившись террористическим опытом, вернуться потом домой. Стало нормальным, что, например, молодой лондонский таксист – сын родителей-пакистанцев, которые убивались в прачечной, чтобы их сын стал настоящим британцем и окончил школу, – берет отпуск, едет на джихад, неделю или две воюет, потом возвращается обратно домой. Идиотское сочувствие к разного рода повстанцам и мятежникам не дало возможности вовремя разглядеть тот ужас, который ждал всех. Взрывы в Париже, гей-клуб в Орландо, грузовик в Ницце, потом опять Париж, опять Америка – вот далеко не полный перечень того, что успели сотворить новоявленные экстремисты, подчиняясь их духовным лидерам. И во всем происходящем была значительная доля ее вины, кандидата в президенты Соединенных Штатов. Президент-то как раз был виноват меньше, чем она, на своем посту он делал все, чтобы не допустить новых войн. В частности – он почти в одиночку сорвал планировавшуюся войну с Ираном и не допустил удара ВВС НАТО по Сирии, так что Нобелевскую премию мира свою он на сто процентов отработал. Беда была в том, что он следовал предвыборным договоренностям и решился на замену госсекретаря лишь тогда, когда стало понятно, в каком катастрофическом состоянии находится американская внешняя политика.

Ее противником был человек, который никак не мог быть избран президентом США. Самый пожилой кандидат на эту должность. Рейгану было шестьдесят девять, ему семьдесят, сексист, расист и много еще кто, бизнесмен. Многие его называли «позором Америки». У него было несколько жен – последняя на двадцать три года младше его, много детей и несколько внуков. А также много объектов, которые он построил – и не он, просто его имя в строительстве было так популярно, что другие компании платили ему деньги, чтобы дать своим объектам его имя.

Он не мог быть избран президентом США. Ни при каких обстоятельствах. Он не имел совершенно никакого политического опыта и не занимал ни одну выборную должность до того, как был номинирован на пост президента США. Его не поддерживала даже собственная Республиканская партия. Он постоянно дискредитировал себя разными сомнительными высказываниями. Он проиграл все публичные дебаты. Он был настолько неподходящей кандидатурой для Белого дома, что ходили слухи, будто демократы платили ему за то, чтобы он номинировался.

Проблема была в том, что его поддерживал народ.

Да, да, тот самый народ. От которого американский политический класс оторвался настолько, что с трудом представлял, как он живет. За несколько десятилетий этот народ от практически реализованного государства всеобщего благоденствия, когда работающий отец мог содержать неработающую жену и пятерых детей, пришел к тому, что и отец, и мать работают на двух работах и денег не хватает. Этот народ по-прежнему жил семьями и, надо заметить, не гомосексуальными, этот народ вынужден был конкурировать за рабочие места с мексиканцами, которых навпускали в страну демократы, потому что меньшинства всех видов и были их избирателями, этим людям угрожала потеря работы, если США подпишут очередные

«зоны свободной торговли», эти люди хотели иметь право хранить и носить оружие, потому что были американцами.

Наконец, эти люди не были дураками, и они задавали властям вопросы, на которые не было ответа. Например, зачем, какого черта мы должны строить школу в Афганистане, когда муниципальная школа разваливается? Зачем мы тратим там много денег на армию и на международную политику. Наконец, эти люди понимали, что демократическая администрация привела их страну на порог катастрофической войны с Россией, которая могла стать последней войной в истории человечества. И они не понимали, ради чего Америке стоит воевать с Россией.

Республиканский кандидат как раз и предлагал простые решения сложных проблем. Рабочие места вернуть. Нелегалов выгнать из страны и, вообще, закрыть к чертовой матери двери, чтобы страна не превращалась в проходной двор. Договориться с Путиным, вместо того чтобы воевать. Просто и понятно.

Часть избирателей готовы были голосовать не столько за республиканского кандидата, сколько против демократического, потому что понимали: если выберут демократа, то их ждет еще как минимум четыре года лжи и политического безумия, только в концентрированном варианте. Которые страна может и не пережить.

И тем не менее силы были не равны.

То, что «кажется что-то пошло не так», проявилось почти сразу: начиная уже с того, что республиканская партия выбрала своим претендентом именно этого кандидата – не предсказуемого сенатора, конгрессмена, губернатора или прокурора, а именно этого. Демократический штаб, впрочем, беспокоился несильно; опросы показывали преимущество демократического кандидата. У обоих был огромный антирейтинг, то есть люди готовы были голосовать за другого кандидата, только бы не допустить к власти этого. И тем не менее гонка началась, самая скандальная президентская гонка в истории США.

Потом были скандалы, которые пересказывать нет смысла. Потом дебаты, которые, по мнению всех демократических СМИ, республиканский кандидат с треском проиграл. Он просто говорил, как думает, и не боялся кого-то оскорбить. И надо было сказать, что оскорбить он успел многих.

Потом были выборы, и «Ньюсвик» даже отпечатало специальный номер, посвященный победе демократического кандидата: первый президент США – женщина. Номер пришлось выкинуть в мусор: республиканский кандидат победил. Все, что смог сказать начальник штаба демократов, выйдя к ожидавшей его толпе: расходитесь по домам.

Многое с той поры пошло не так...

***Возможное будущее
США, Нью-Йорк
11 августа 2019 года***

День как день...

Знаете... как-то раз, когда у меня в жизни были проблемы, причем не просто проблемы, а ПРОБЛЕМЫ с большой буквы, я спросил одного умного человека. Как жить? Как жить дальше? Он улыбнулся и сказал: день за днем, парень. День за днем...

Иногда, когда накатывает, я подхожу к окну, смотрю на город и говорю себе – день за днем. День за днем...

Вот так и надо жить. По-другому, увы, не получается.

Кто мы? Всего лишь песчинки в океане. Просто песчинки...

Зовут меня Алекс Краев. Это не мое имя, просто в свое время мне предложили выбрать имя, и я выбрал именно это. Сам не знаю почему. Всем я представляюсь болгарин, но паспорт у меня французский. Потом поймете почему...

Я уже давно на Западе. С две тысячи первого. Так получилось. Черт меня дернул врезаться в политику... точнее, не меня, а моего отца. Он был на стороне Ельцина. В девяносто первом был у Белого дома. Финансировал кое-какие дела... он в свое время открыл один из первых кооперативов в Москве, потом имел отношение к комсомольским ЦНТТМам – Центрам научно-технического творчества молодежи¹. Потом, не светясь особо, как те самые семь банкиров, все же зарабатывал кое-какие деньги. Имел отношение к некоторым экспортным сделкам через Прибалтику, к торговле вооружением. У нас ведь после того, как оружейный экспорт весь пустили через Рособоронэкспорт, лишили оборонные предприятия права самостоятельной ВЭД², торговля стрелковым оружием у нас зачахла. Сколько там объем контрактов? Миллион долларов, два, пять. А если продаешь системы ПВО, сотнями миллионов пахнет – вот никому и неохота стало возиться, и стали нас вытеснять с традиционных рынков стрелковки болгары, румыны и израильтяне. Отец же работал в этом направлении...

Когда к власти пришла новая команда, отец, словно чувствуя беду, успел отправить меня на Запад. Сам он погиб в две тысячи первом при странных обстоятельствах: отравился чем-то на даче. А через пару дней – в крайне подозрительной автокатастрофе – погиб начальник одного из управлений ФСБ, друг отца с детства.

Вы верите в случайности? Я – нет. Особенно после того, как отказали тормоза на моей машине. К счастью, французские трассы – это не подмосковные: удалось остановиться и даже машину не слишком сильно разбить. Я обратился к компаньону отца во Франции, и он сказал, что, если меня кто-то хочет убить, рано или поздно уберут: если заплачено, то сделают. И только в одном месте в мире меня гарантированно не достанут, потому что там еще никто и никого не достал и даже не пытался. И сам отвез меня к вербовочному пункту Иностранного легиона в Париже. Как потом я понял, попал я по адресу: в то время в легионе русскоязычных среди сержантов была четвертая часть.

Двенадцать лет спустя я покинул легион в высоком звании ажудан-шефа³. За спиной были Афганистан, Иран, Ливия, страны присутствия легиона в Африке, где тоже пришлось поработать. CRAP – подводно-диверсионное подразделение Иностранного легиона, где я отслужил семь лет, сертификаты снайпера и боевого водолаза и новое имя – Алекс Краев. Такое имя мне дали в легионе – там, после пяти лет службы без замечаний, дают подлинный французский паспорт и гражданство Франции.

Что я могу сказать о службе в легионе? Жесткая, суровая – но нужная школа, многое давшая мне. Легионеры – это братство, и братство это теперь защитит меня всегда, когда я буду нуждаться в защите.

Кое-какие деньги от отца у меня остались, к тому же в Москве и в паре европейских столиц была кое-какая недвижимость, цена которой за то время, пока я служил, сильно подскочила, а доходы от нее все время поступали на счета в Австрии и Швейцарии. С этим можно было жить припеваючи до конца жизни, но я так жить почему-то не мог.

Взяв часть денег, я переехал в Панаму и обзавелся и вторым, панамским, паспортом. Начал потихоньку вникать в дела... сначала связанные с той же недвижимостью... не с наркотиками, как вы подумали. Потом переехал в США, начал думать, чем же заняться здесь. В конце концов открыл и в США два бизнеса: один – связанный с недвижимостью, второй – по пошиву военного и трекингового снаряжения⁴. Легион и тут помог – все-таки двенадцать лет в строю. Если сдираешь кожу до мяса во время пеших переходов под тропическим ливнем и

¹ Эти центры, которые виделись как нечто вроде молодежных стартапов, превратились в мощные центры консолидации мафиозной экономики. В ЦНТТМ начинал Михаил Ходорковский.

² Внешнеэкономической деятельности.

³ Это очень высокое сержантское звание, четвертое из пяти.

⁴ Трекинг – экстремальный туризм.

неделями не появляешься на базе, если ты то в воде, то на суше – волей-неволей начинаешь понимать, каким должно быть снаряжение.

Фирма наша называется – KRAB Tactical solutions – Краев и Брю. Почему у меня три буквы, а у Боба одна – да просто так красиво вышло. Компаньоном в деле у меня Боб, или Роберт Брю, отставник из оперативного подразделения Дельта, тоже сержант. Это единственное дело, в котором у меня 50/50, – все остальные бизнесы на сто процентов мои. Да это скорее и не бизнес... так, средство легализации и социализации. Хотя... некоторые новинки неплохо пошли. Например, мы одними из первых предложили на рынке почти⁵ на гибком пластике, а не на ткани. Преимущество их в том, что в них входит все что угодно. Если у вас, например, есть «АК-47» и есть Ar-15, то раньше вам приходилось приобретать два вида почей и, меняя оружие, постоянно перекомбинировать свою разгрузку. А если вы приобретаете наши почти среднего размера, то вы туда поместите любой магазин среднего размера от любой вашей штурмовой винтовки, не надо приобретать набор под каждый и не надо ничего снимать-ставить каждый раз. И даже если вы в боевой обстановке подобрали оружие противника, вы можете подобрать и магазины, разместив их на своей разгрузке.

Второе, что мы предложили одними из первых на рынке, – импортное снаряжение под платформу «АК» и «Сайга» из России. Все-таки американское снаряжение заточено на Ar-15, за последнее время она стала едва ли не «айфоном среди винтовок», а вот под «АК» в США и снаряжения, и тюнинга не так много. Но в то же время спрос есть – люди «АК» приобретают. А в России после 2014 года рухнул курс рубля по отношению к доллару. И мы одними из первых это заметили и одними из первых начали налаживать контакты с небольшими «тактическими ателье» и производителями обвеса, приглашая их на американский оружейный рынок, который по размерам отличается от российского как минимум на порядок, а то и на два. И дело у нас пошло настолько успешно, что крайние два года мы арендуем стенд на Shot Show⁶. И он не пустует, отнюдь нет, господа...

Ну и третье...

О третьем немного потом...

Панама... Панама чем-то похожа на давно уже подзабытую Россию... изобилие всяких «деловых людей», которые так и думают, как на тебе руки нагреть, а еще влажность: океан рядом и жара страшная. Там круглый год от плюс двадцати пяти до плюс сорока. Честно отжив в Панаме два года, я приобрел инвесторскую долгосрочную визу в США и вид на жительство. Инвесторская виза – это когда ты вкладываешь деньги или спасаешь от банкротства американский бизнес. Я выбрал второе – купил прогорающее агентство недвижимости. И не где-нибудь, а в Нью-Йорке. Где я теперь, собственно, и живу.

Почему Нью-Йорк? Предлагали Флориду, Техас, Калифорнию, но я уже был сыт по горло этой жарой... долбаная жара, скороварка, в которой я варился уже полтора десятка лет сначала на службе, потом в этой Панаме... так ее. Хотелось место, где будет зима. Настоящая, со снежными сугробами. Второе, почему я переехал в Нью-Йорк, – там немало русских, и русским же был парень, который и продал мне агентство. Какая-то иллюзия близости далекой родины.

Нет, я не Штирлиц и на двадцать третье февраля не жарю сосиски в камине. Я уже давно стал гражданином мира – без Родины, без своего имени и, в общем, без судьбы. Но иногда накатывает... осенью, например, едешь на север Вайоминга в горы, а там все золотистым ковром покрыто... и думаешь: наверное, сейчас и в России все как-то так же. Там тоже – осень...

Как я здесь живу, в Нью-Йорке? Ну, скажем так, не совсем как остальные ньюйоркеры. Все у меня шиворот-навыворот.

⁵ Что-то типа маленьких сумочек под оружейные магазины, крепятся на разгрузку.

⁶ Крупнейшая в мире оружейная выставка (стрелкового оружия) проходит в январе каждого года.

Обычный ньюйоркер с семьей и детьми в городе не живет. Потому что в городе слишком много чернокожих, латиносов и оттого – плохие публичные школы. В Нью-Йорк приезжают работать и развлекаться, а живут все за городом. Перемещение утром в город называется «комьют», это одно из базовых понятий в жизни ньюйоркера, он выражается в часах и минутах – сколько времени надо, чтобы добраться от дома за городом до работы, – это и есть комьют. Если он у вас занимает меньше часа – вам крупно повезло. Кстати, хороший, быстрый и недорогой комьют способен увеличить цену вашего дома в полтора-два раза: вот как многое от этого зависит. Выбирая недвижимость, ньюйоркер имеет в виду комьют, наличие хороших школ и налог на недвижимость. В США местные налоги для американца значат больше, чем федеральные, и далеко не всегда высокие местные налоги – это плохо. Потому что из местных налогов финансируются местная полиция и главное – школы. Чем выше сумма налоговых сборов в школьном районе, где вы поселились, – тем лучше школа, в которую будет ходить ваш ребенок, тем больше у него шансов поступить в нормальный университет и найти хорошую работу. Поэтому ньюйоркеры покупают или арендуют недвижимость в пригороде, где хороший быстрый комьют (это может быть не только автомобиль, но и поезд, а некоторые комьюнити покупают специальные автобусы для совместных поездок на работу), и каждый день тратят по два-три часа на то, чтобы добраться на работу или с работы.

У меня же, как я уже говорил, – все шиворот-навыворот.

Во-первых, я чайлд-фри, и мне не нужна хорошая школа для моего ребенка. Поэтому я живу в самом городе, в богатом кондоминиуме, и плачу очень скромные, по нью-йоркским меркам, налоги. Во-вторых, если все нормальные люди живут за пределами города, а работают в городе, то я, наоборот, живу в городе и работаю в сельской местности. Потому что утром, когда все пробираются в город по до предела забитым дорогам, я еду в обратном направлении по почти пустому хайвею и искренне сочувствую тем, кто стоит в пробках. И соответственно вечером я тоже еду по полупустому хайвею, в то время как все ломятся из города, подобно стае леммингов на переходе.

Не знаю... наверное, это не совсем правильно... тот образ жизни, который я веду. Ни семьи, ни детей. Но как-то не получается по-другому...

Просыпаюсь я, как привык в легионе. В шесть утра. Душ, бритье, чистка зубов – утром я никогда не завтракаю, позавтракаю уже на работе. Пока чищу зубы – смотрю в окно. Тут архитектура сильно непривычная, в толчке, простите, могут окно сделать даже на первом этаже. Впрочем, тут много непривычного.

Апартаменты мои довольно новые, двадцатипятиэтажная махина в тихом месте, с одной стороны – вообще парк, так что и в Нью-Йорке можно жить почти как в лесу. Дом отельного типа, то есть с консьержем, собственной стоянкой, спортзалом, большим крытым бассейном и рум-сервисом. Квартира моя называется «ван бедрум», одна спальня, потому что мне больше и не надо. Но это не значит, что там только одна спальня – есть и небольшое кухонное пространство, и гостиная, и уборная, простите. Просто американцы всегда считают размеры жилья не по количеству комнат, а по количеству спален. Отделка приличная – белый верх и черный пол, дубовая доска – по американским меркам, это очень дорого. Мебели минимум – не нужна она мне.

Одеваюсь. Так как я не клерк, то одеваюсь привычно «тактически» – в карго-штаны, замаскированные под джинсы, и куртку – худи. С капюшоном, чтобы на камерах не светиться. По карманам – «Рюгер 380» (грин-кард я уже оформил) с двумя дополнительными магазинами, еще один такой же – в потайную кобуру. В Нью-Йорке идиотское оружейное законодательство, больше семи патронов нельзя. А в магазине «Рюгера» как раз семь, и патроны «Хайдрашок», пустоголовые. Зачем мне два пистолета? А знаете... когда понадобятся, то хвататься за голову и все выступающие части тела поздно будет. Так что я ношу. И всем советую.

Смотрю на часы – немного даже пораньше. Можно поутру в спортзале позаниматься, там сейчас точно никого, но я не буду.

Спускаюсь вниз. Планировка в американских многоквартирных домах тоже очень непривычная, отельного типа: на всю домину один или два подъезда и длинный коридор с дверьми. В России так никто не строит из-за норм пожарной безопасности, а тут... тут только так и строят, один подъезд – это и лифт один, и консьержа одного содержать надо. Так дешевле, а тут деньги считают. Нашего консьержа зовут Бэзил, но так он Василий. Из эмигрантов. Вон он стоит. Это я его сюда устроил, уговорил жильцов. Мне это надо потому, что Василий знает, кому он обязан непыльной работой, и если кто-то будет интересоваться мной, вне зависимости, полиция или частные лица, он мне сообщит, а вот им ничего обо мне сообщать не будет. Помимо жалованья Василий получает каждый месяц сотку от меня, наличными и без налогов, и премии, если узнает или увидит что-то. Вот и сейчас я вопросительно смотрю на него, он едва заметно отрицательно качает головой и разблокирует дверь. Утро, рано, дверь в такое время бывает заблокирована.

На выходе у нас длинный козырек, тоже как в отеле, и тут должен стоять Боб или Джонни из парк-сервиса, которые отгоняют машины на стоянку и пригоняют обратно, но сейчас никого нет, так как утро. Я оглядываюсь, не вижу ничего подозрительного и иду самостоятельно на стоянку, где припаркован мой «крейсер».

А вот и мой красавец...

Его я купил совсем недавно – тоже за совсем недорого даже по местным меркам, на распродаже имущества какого-то там типа, имевшего отношение к наркоденьгам, которую устраивали федеральные маршалы. Это «Лексус-460», тяжелый внедорожник, восемь цилиндров и репутация «японского «Мерседеса». Более того, он еще и бронирован, и хорошо бронирован, не по-колумбийски⁷ – тот тип опасался покушений. И вся эта красота, шести лет от роду, мне обошлась всего лишь в тридцать пять тысяч долларов США. Единственная с ним проблема: топливо он жрет и за подвеской надо следить. В обслуживании он недешев. Но и топливо сейчас недорогое. Да и привычнее мне с моей собственной машиной, нормально купленной, а не взятой в тот же лиз⁸.

Выкатываюсь на улицу... машина идет тяжело, солидно, как самый настоящий крейсер. Чтобы время не терять, включаю мультимедиа и кликаю на Блумберг – новостная лента. Чтобы иметь возможность просматривать экономические новости, не отрываясь от руля, новостная лента проецируется прямо на лобовое стекло. Но это незаконно, если поймает с этим полиция – будет плохо.

Привычно плохие заголовки... опять бойня на Уолл-стрит, падают индексы. Обанкротился крупнейший банк Португалии... вроде, где Португалия и где мы, но мир сегодня – одна большая деревня и то, что происходит в далекой Португалии, через пару дней ударит по нам. Нехорошо, когда банкротятся банки.

Плохо...

Экономика вообще в хреновом состоянии, и все, включая меня, это понимают и чувствуют жопственной сопой. Мы – то есть США – слишком много тратим на поддержание лидерства в мире и слишком мало тратим на себя. Девяностые, когда Китай еще не стартовал, Россия была в развале, а Америка получала сверхприбыли за счет высоких технологий, – давно

⁷ Колумбийский вариант – легкое бронирование от 44 магнум. «Узи» оно держит, «АК» уже нет. Довольно популярно в Латинской Америке, т. к. стоит недорого.

⁸ Лизинг, или в просторечии лиз, – это типичная схема продажи машин в США сегодня. Большую часть новых машин дилеры не продают, а сдают в лиз физическим лицам на три года с ограничением пробега. А через три года машину забирают обратно, осматривают, чистят и продают как сертифицированную подержанную, с гарантией. Нюансов тут много, дилерам такая схема выгодна, потому что три года машина, отданная в лиз, все равно числится на балансе дилера и под нее банк даст кредит.

прошли. Америка сама создала мир, который уничтожает ее, – мир свободной торговли. Этот мир уничтожает одну дорогую профессию за другой – например, раньше обладатель нью-йоркской лицензии на такси получал до миллиона долларов в год, но теперь есть Uber. Раньше много получали врачи, но теперь американские пациенты едут в Индию шунтировать сердце за шесть тысяч долларов, в то время как в США эта операция стоит пятьдесят тысяч. И вот американцы готовы трудиться за ту зарплату, за какую трудятся китайцы, – только чтобы не потерять работу. Но у США по-прежнему глобальные амбиции, хотя деньгами они уже не подкреплены. И год за годом нам эти амбиции обходятся все дороже и дороже.

Немалую роль в этом играют Россия и парень по фамилии Путин. У меня нет к нему зла, хотя я понимаю, что он и его люди могут иметь отношение к смерти моего отца. А могут и не иметь. Он действительно мог случайно отравиться. Или...

Не знаю.

Ладно, все, расход. Сейчас на мост надо будет выезжать, а тут всегда трафик не дай бог. Так что – позже поговорим.

США, близ Нью-Йорка

11 августа 2019 года

Все дороги на Нью-Йорк утром и вечером представляют собой страшное зрелище.

Бетонка в несколько полос забита медленно идущими нос к носу машинами. Во многих из них не по одному пассажиру – это жители пригородов объединяются и устраивают дежурство, по очереди возят друг друга на работу, так и по бензину дешевле, и вообще. По выделенной реверсивной линии один за одним идут автобусы, размером больше «Икаруса» раза в полтора. Они делают только два рейса в день – в город и вечером из города, – и этого хватает для окупаемости. Хуже всего пробка у моста Джорджа Вашингтона, чтобы как-то снизить поток, власти ввели сбор за въезд на мост со стороны пригородов – тридцать долларов США (выезд из города бесплатно). Теперь один мост зарабатывает в год больше, чем бюджет некоторых африканских государств, но пробки как были, так и есть. В один Манхэттен днем приезжают на работу полтора миллиона человек. А во весь Нью-Йорк – миллиона четыре, если не пять. Все это похоже на массовую миграцию леммингов. Это и есть комьют.

Я же неспешно качу в своем бронированном джипе по той части дороги, что ведет из города, и мост я проехал тоже бесплатно. Моя работа расположена примерно в шестидесяти милях от города. По местным меркам – это близко, некоторые по двести миль в день проезжают...

Чем дальше удаляемся от города – тем разительней меняется пейзаж. От складов, заправок, молотов и жилых комьюнити остаются только дорога, старые сараи да давно заброшенные мотели. Сельская Америка уже давно находится в очень скверном состоянии, все, кто мог, уехали, а остальные влачат жалкое существование. В американской сельской местности жить еще и опаснее, чем в большом городе. В том же Нью-Йорке везде видеокамеры и огромный бюджет на полицию, а здесь у людей нет денег даже на шерифа⁹. Вот поэтому в сельской местности селится всякая мразь, гангстеры и наркодилеры открывают лаборатории по производству амфетамина и терроризируют людей. В громадном Нью-Йорке бывают дни, когда не совершается ни одного насильственного преступления, а отъедешь миль на пятьдесят – и вот, знаки MC13 на стенах¹⁰.

Но все-таки здесь красиво.

⁹ В США местная полиция финансируется за счет местных налогов, а также за счет продажи конфискованного имущества. До 80 % выручки от продажи последнего идет в бюджет полиции, и это уже привело к тому, что полиция занимается незаконными грабежами. Например, в одном штате (на момент написания этих строк) полиция имеет право конфисковать у вас не только наличные, но и все деньги с карточек (!!!), если будет подозревать (!!!!), что вы их потратите, скажем, на наркотики.

¹⁰ Мара Сальватруча 13 – этническая ОПГ выходцев из Сальвадора, чрезвычайно опасная.

Я уже мало помню Россию, но здешняя местность... горы, поросшие хвойно-лиственным лесом... поля... амбары... все это напоминает мне Россию. В которой мне до сих пор появляться противопоказано. Вредно для здоровья.

И вести машину приятно. В США приличные дороги, ведешь – как на ковре-самолете летишь. Но мне уже сворачивать. Вон местечко со странным названием «Бэби Рест» (дословно – отдых ребенка), и вон там – ангары, где раньше продавали технику для фермеров, где была мельница, там все на удивление капитально сделано, с бетонным полом. Потом это все, конечно, обанкротилось и стояло несколько лет, пока мы это все не купили. Там дальше мотель брошенный, а в самом «Бэби Рест» осталось человек двадцать из нескольких сотен, которые жили в нем раньше. Гибнет потихоньку американская глубинка.

Сворачиваю. Блеклые на вид ангары, линейка машин на стоянке. По машинам сотрудников можно определить, хорошо ли у фирмы идут дела или плохо. У нас дела идут хорошо...

Паркуюсь рядом со старым «Фордом Ф250» Боба, моего компаньона. Машина заслуженная, стальная, не то что новая, с алюминиевым кузовом – пикапы теперь в США из алюминия делают, и говорят, что это тот же алюминий, из которого делают кузова вездеходов «Хаммер». Боб еще больший куркуль, чем я, – он ездит только на американских пикапах, потому что их можно провести как приобретение для бизнеса и получить солидный налоговый вычет. В этом – а не в каких-то особых потребительских свойствах – и заключается причина огромной популярности больших пикапов в США. Это небольшой грузовик, ставший личным транспортом и дающий неплохие налоговые льготы при покупке...

Ангаров всего пять плюс довольно большое здание производственного типа, тоже похожее на ангар, но с капитальным бетонным полом под установку оборудования, и еще мы пристроили что-то вроде офиса – двухэтажное здание, готовые плиты с каким-то утеплителем на стальном каркасе. Никак не могу привыкнуть к американскому типу строительства – еще примитивнее, чем у нас панельки, быстро и предельно дешево. И это у нас еще север страны, тут у нас панели хоть с какой-то теплоизоляцией. На югах стены чуть не из картона, а крыша – не поверите, пенопласт на каркасе.

Первые три ангара – это склады и своего рода логистика, товары забирает машина доставочной службы, с которой у нас договор. Четвертый ангар – там кое-что дорабатывается, собирается, но из того, что мы производим, с нуля мы не делаем почти ничего, только проектируем и размещаем заказы на специализированных предприятиях, которые шьют, кроят, клеят, делают детали из пластика, самим это делать невыгодно, нужен огромный объем, которого у нас нет. Мы только собираем все в готовое изделие. Наконец, пятый ангар – это производственный, где мы лелеем надежду повторить путь Рона Барретта¹¹. Вот, собственно, и он... В смысле, не Рон Барретт, а наш производственный цех.

Наше детище. Ангар, уставленный станками, на которые мы потратили только за этот год больше миллиона долларов. Но мы верим в успех. Сам С. Рид Найт¹² начинал с ангара, а так он выращивал апельсины. Сейчас его фирма – одна из самых уважаемых в оружейном мире. Вот примерно тот же путь намерены пройти и мы.

¹¹ Рон Барретт – еще одна легенда американского оружейного мира. Профессиональный фотокорреспондент, однажды во Вьетнаме он увидел, как стреляют из пулемета М2. Его поразили вес и неуклюжесть этого оружия, и он начал думать о том, как создать оружие под патрон 50BMG, которое может носить и применять один человек. В начале восьмидесятых, после долгих экспериментов, он создал «барретт-82». Первыми ее купили... ирландские террористы из ИРА, чтобы стрелять по британским солдатам. Затем винтовку купила шведская армия как замену тяжелым пулеметам. На сегодняшний день винтовка «барретт-82» стоит на вооружении более сорока армий мира.

¹² С. Рид Найт – фермер и любитель оружия, начинал с любительского тунинга на собственной апельсиновой плантации. Апельсины перестал выращивать, только когда на его оружейной фирме работали уже 70 человек. Потом ему удалось пригласить в свою фирму самого Юджина Стоунера – последние годы жизни тот работал на «Найт Армамент». Результатом стала SR-25 – снайперская винтовка с механизмом Ar15, но под калибр 7,62 НАТО, принятая на вооружение спецподразделениями США и ставшая первой из множества винтовок Ar в этом калибре. Сейчас «Найт Армамент» очень уважаемая в оружейном мире фирма, ее продукцией пользуются Дельта форс и SEAL.

В США можно приобрести практически любое оружие в мире. Любое. Русское, местное, немецкое, аргентинское... любое. Но есть одна винтовка, которая до сих пор в огромном дефиците – ее запрещено ввозить в США с 1994 года и до сих пор никто эту нишу толком не закрыл.

Это «СВД», снайперская винтовка Драгунова. Почему так? Не знаю, спросите что попроще – но это так. И до сих пор ни одно предприятие в США не наладило выпуск. А те винтовки, что успели ввезти – китайские «НДМ» и русские «Тигр», – стоят от двух до пяти тысяч долларов в зависимости от сохрана и редкости модели. Для США – деньги безумные.

Вот мы и задумали занять этот рынок. Но не с точной копией «СВД», а с целой серией винтовок, в том числе под американские патроны и с глубокой модернизацией. Потому что их запрещено ввозить – а вот производить в США их никто не запрещал, верно?

Мы пошли методом обратного мастеринга, то есть купили винтовку «СВД», разобрали ее до винтика и обмерили. После чего начали скрупулезно отрисовывать деталь за деталью в AutoCAD, наняв для этого специального человека – вон, Билл, сидит за своим компом. Раньше автомобильные детали какие-то мастерил, да обанкротилась фирма.

Стволы заказали в хорошо нам известной Южной Корее – тяжелые, от восемнадцати и до двадцати четырех дюймов, спортивные. Хотели в России, там «Молот» делает неплохие стволы, длиной до двадцати семи дюймов, и нарезы в нем правильные – триста двадцать миллиметров, как в оригинальной, шестидесятых годов «СВД», – да санкции, будь они неладны, запрет ввоза. Калибр по западным меркам получается.311, стволы заказные идут, и геометрию пульного входа мы специально подбирали. Марка стали та же самая, которая идет на стволы тяжелых пулеметов, в маленькой Южной Корее выплавляется чуть меньше стали, чем в России, и спецстали там найти можно – хорошие, и цена приемлемая. Ствольную коробку делаем здесь, на пятикоординатных станках – тяжелую, тяжелее, чем оригинал. Газоотвод полностью копируем от «СВД», а вот крепление цевья к стволу у нас немного другое – ствол получается полувывешенным. Это мы подсмотрели по Интернету, те же самые меры ради повышения кучности придумал «Ижмаш» – предприятие, на котором, собственно, Драгунов и трудился. Вместо классического цевья (хотя будем делать и классику) – легкое длинное трубчатое из авиационного алюминия, с креплениями стандарта M-Lock. У ВПМЗ «Молот» мы подсмотрели способ крепления прицельных приспособлений: прямо на ствол жестко крепится шина, которая выходит на верх ствольной, и там делается длинная рельса со стандартной планкой пикаттини, такой длины, что позволяет установить и прицел, и ночную или термооптическую насадку. Причем жесткое крепление посадочной рельсы именно на ствол, а не на ствольную коробку и тем более не на крышку ствольной коробки, как зачем-то сделал «Ижмаш» в винтовке «СВДСМ», позволяет исключить смещение прицельных приспособлений относительно ствола при любых обстоятельствах и добиться высоких и стабильных показателей точности и кучности стрельбы. Сбоку на цевье мы делаем съемное штатное крепление под второй прицел, коллиматор, с установкой под углом сорок пять градусов. Это для ближнего боя.

Первые несколько винтовок находились в высокой степени готовности, а две уже были готовы, мы собирались везти их на NRA Show, и надо было успеть их отстрелять. Первый образец – калибр 7,62*54 русский, магазин от «Вепря-123» (в США они более распространены, чем эсвэдэшные, и производятся здесь же), складной приклад от «Вепря» же и ствол длиной двадцать дюймов с подготовкой под глушитель. Второй – калибр 308, магазин мы позаимствовали от «Сайги-308», на 25 патронов, ствол длиной восемнадцать дюймов. Обе винтовки легко, не напрягаясь, выдавали одну угловую минуту, что и неудивительно. Приблизительно такой же результат давала оригинальная, старая «СВД» при куда более тонком стволе и «играющей» ствольной коробке. Потом идиоты изменили шаг нарезов ствола, чтобы стабилизировать тяжелую, бронебойно-зажигательную пулю (кто ей только стреляет из снайперской винтовки), и резко упало качество. Наши же винтовки при сохранении одинаковой с канонической «СВД» надежности и простоты, устойчивости к загрязнениям показывают, на что на самом деле спо-

собна эта система, изначально более точная, чем «калашников». Именно это мы и намерены предложить на американском оружейном рынке, причем в калибрах от 308 до 300 WinMag и 338 Norma Mag¹³.

Ну... а вон там, на шестиуровневых стеллажах, это то, что вы уже можете приобрести в магазинах. Вот это – автоматы и легкие снайперские винтовки AKAR, они производятся в Южной Корее, фирма «Дусан Индастриз». Калибры 5,45*39, 6,5*39 и 7,62*39, стволы от десяти до четырнадцати дюймов, питаются из магазинов «АК-47» и «АК-74»¹⁴. Это копия «Хеклер-Кох 416», но под российские патроны и магазины. Поэтому Роб ведет переговоры в Форт Бреге о поставке Дяде Сэму партии этого оружия. Спецназ имеет право закупать не стандартное оружие, а оружие, которое по органам управления как привычная Ar15, но питается магазинами вероятного оружия противника и при этом достаточно надежное – мечта американских спецов еще с давних времен. В 2001 году, когда американский спецназ отправлялся в Афганистан, как раз С. Рид Найт изготовил для спецназа США шесть винтовок SR-47 под магазины от «АК-47» – но дело так и не пошло, отзывы были отрицательные. Вероятно, потому, что качество патронов в Афганистане оставляло желать лучшего, а схема Стоунера – direct impingement – очень чувствительна к качеству патронов и, главное, качеству пороха, которым снаряжены эти патроны – ведь там пороховые газы попадают не на затвор, а прямо в механизм. Не зря в США есть понятие «сертифицированные патроны», то есть те, которые одобрены Минобороны для использования в автоматах М4. Южнокорейцы же сделали свое оружие все-таки с отводом газов на поршень, как в схеме Ar-18. Так что русские патроны она переваривает.

Кроме того, мы тупо ввозим и продаем USSOCOM южнокорейские автоматы Калашникова различных модификаций. У Боба связи в Форт Брег, крупные фирмы не связываются с небольшими партиями – а мы можем хоть пять штук привезти, если такой заказ. И вместе со всем русским обвесом, какой только есть и какой нужен. И отвечаем за качество.

Вторая наша линейка – это русские «винторезы». Они с недавних пор производятся в России под калибры 7,62*39 и 9*39 – но в гражданской версии, без глушителя. Мы добавляем калибр 300BLK и по заказу восстанавливаем «винторез» до его боевого состояния – то есть делаем из него бесшумную винтовку, как он и задумывался. Винтовка на любителя, реднек с улицы ее не купит – но те, кто в теме, коллекционеры оружия, те, кто моделирует войну в Чечне или Сирии¹⁵, те, кто любит российское оружие и имеет достаточно денег, – платят по три с половиной тысячи долларов за редчайший образец российского оружия. Такие находятся, и немало – очередь стоит. Хотя мы немного ввозим – сознательно, чтобы поддерживать интерес и не ронять цены.

Ну а это последнее, что для нас изготовили южнокорейцы. В этом году – на выставку повезем.

Они и до нас делали полуавтоматические снайперские винтовки калибра 308, похожие на ту же SR-25. Но по нашему заказу и с нашим техническим содействием они сделали винтовку по типу SR-25, но под патрон 7,62*54 русский винтовочный, питающийся магазинами «СВД». Первая партия из десяти винтовок как раз и прибыла с крайними контейнерами в Штаты.

Не оружие – песня. Тяжелый ствол двадцать четыре дюйма с щелевым пламегасителем как на «СВД» или германской G28. Ствол должен быть хороший – это предприятие изготавливает стволы для пулеметов M2, и получается получше, чем оригинальные американские или

¹³ Почему не 338 Lapua? Потому что этот патрон плохо пригоден для полуавтоматического оружия. И именно 338 Norma приняли USSOCOM, американское командование спецопераций как промежуточный снайперский, имея в виду создать под него не только винтовку с болтовым затвором, но и полуавтомат и даже пулемет.

¹⁴ Такое оружие в Южной Корее действительно производится, только не в таком разнообразии. Но 7,62 и 5,45 есть.

¹⁵ Клубы по интересам – они покупают аутентичное оружие и снаряжение армии, которой моделируют оружие, изучают команды и документы, ездят в турпоездки, разыгрывают бои. Есть в США такой клуб, занимающийся изучением войны в Чечне.

бельгийские. Ствол вывешенный – схема Стоунера дает такую возможность, повышающую точность стрельбы. Американский стандарт по всему – прицельные приспособления, органы управления винтовкой, почти весь обвес можно использовать, который подходит для SR-25 – Магпул, например – рукоятки, приклады. Но при этом питается русскими магазинами и русскими же патронами. Для справки: ни одной винтовки типа ar10/sr25 под патрон 7,62*54 русский – на рынке нет. Ни одной! И это притом, что патрон этого калибра – самый дешевый среди винтовочных и потому популярен у выживальщиков.

А значит, у нас будет год-два, чтобы единолично снимать сливки с рынка. Конечно, если идея покажет себя, постепенно начнут подтягиваться конкуренты. Но тут будет одно «но» – кое-какие технические решения мы защитили патентами. Без них сделать тоже можно, но винтовка будет проблемной. Мы знаем это, потому что больше года отчерчивали детали в КАД и изучали их взаимодействие на макете. А по стволам.311 калибра, пульным входам, твистам и всему остальному, что обеспечивает кучность и точность винтовки, мы наверняка уже лучшие эксперты в США. Никто из нас больше времени этой теме не посвятил, и никто из нас не перелопатил столько документации на русском, чтобы понять, как этот патрон летает, и заставить его летать лучше. С этой винтовкой можно сделать 0,7–0,8 МОА – лучшее в этом калибре.

Пожав руки людям – это первое, что должен делать лидер, дать понять, что работа каждого нужна и важна, – я поднимаюсь вверх по узким, гремящим под ногами ступеням. Там у нас большой офис.

Боб уже там. Он на голову ниже меня, рыжеватый и внешне неказистый – но внешность очень обманчива. Его отцом был лесник, потому парень первого своего оленя подстрелил в шесть лет, а по горам он умеет ходить как профессиональный проводник-аутфиттер. В армии – он почти сразу записался на отбор в 1SFOD Delta и прошел с первого раза: подразделению глубинной разведки как раз и нужны были такие вот неказистые, выносливые парни, способные неделями выживать во враждебной среде. Тогда «Дельту» переименовали в CAT – Combat application team и бросили в Ирак. Было негласное разделение – US Navy SEAL занимались Афганистаном, а «Дельта» – Ираком. После вывода войск из Ирака Боб ушел из армии, почему – он не говорит. Но, судя по всему, без скандала: он не раз приглашал меня на попойки со своими сослуживцами, представляя как бывшего французского спецназовца, что было в общем-то правдой. Как сказал Боб, о том, что ты русский, говорить не надо, не поймут. И правда, не поймут, особенно в наши веселые времена, когда Путин является врагом Америки номер один и примером современного автократа.

Кабинет у нас на двоих. Кофейный аппарат, два стула и стол, обшивка из сайдинга, окно. Чашка с кофе у Боба уже на столе, я выбрасываю использованную капсулу и вставляю свою. Боб предпочитает декаф, мне же пока можно и нормальный кофе.

– Что-то новое?

Боб сосредоточенно ставит на пришедшую из Южной Кореи винтовку кольца на прицел, вымеряя их соответствие специальным приспособлением. Это два толстых прута по размерам как раз 30 мм, под кольца, европейский размер – и они сходят на конус, крайние точки должны совпадать. Рядом лежит прицел – Шмидт-Бендер, последняя версия, какую выбрали в качестве штатного USSOCOM.

– Сегодня Зобо назначил встречу в Форт Брегг. Похоже, будет кто-то из Пентагона. Кажется, дозрели.

Зобо – странная фамилия, верно? – это офицер, отвечающий за снабжение специальных сил в Форт Брегге, именно он выписывает чеки. Он имеет дело как с частными компаниями, так и с господрядчиками, типа арсенала Чайна-Лейк¹⁶. В случае с нестандартными закупками все зависит от него.

¹⁶ Арсенал ВМФ США, занимающийся исследованиями в области стрелкового оружия и производством малых серий для

– Сколько он возьмет?

– Говорили пока о пятидесяти единицах.

Я киваю. Вопрос не в том, сколько они возьмут – я готов и бесплатно отдать. Вопрос в другом: как только наше оружие засветится в CNN или Discovery, – так огромное количество любителей оружия захотят иметь точь-в-точь то же самое оружие, какое использует «Дельта» или морские котики. И вот тут же и надо не зевать и зарабатывать деньги. Есть даже слоган рекламный «use what they use». Используй, что они используют.

Боб это тоже понимает – собственно, на выставках он наш фронтмен. Ключут на него, он даже блог ведет для пиара.

Кофе, кстати, поспел.

Я сажусь на место, открываю корпоративную почту и начинаю сортировать переписку (здесь я до середины дня, а потом мне надо успеть в другое место), и вдруг Боб откладывает винтовку в сторону... как-то напряженно смотрит в окно.

– Что там? – не оборачиваясь, спрашиваю я.

– Да ничего... – звучит неубедительно, но тут Боб говорит мне такое, что заставляет насторожиться и меня, – у тебя нет ощущения, что за нами следят?

– Нет. А что – должны?

Следить нынче могут по самому разному поводу, гражданских прав вообще не осталось, получают ордер на слежку за неназываемым лицом – как судья может проверить и какой смысл вообще узаконивать явный произвол? Следить может, например, и налоговая, ЦРУ может следить, Министерство безопасности Родины, местные копы – а вдруг мы тут амфетамин начали делать? А в случае со мной – слежка может быть еще и приветом из далекого прошлого.

– Да нет.

– Что-то произошло?

– Нет. Показалось, наверное...

До обеда я решаю вопросы на месте, потом захожу в ангар, в котором мы формируем заказы для торговли по электронной почте, и выбираю курточку, темно-зеленую снаружи и оранжевую внутри. С капюшоном. Такая куртка используется охотниками на оленей, потому что олени не различают цвета, а вот надеть что-то яркое, чтобы уберечься от того, что тебя перепутают с оленем, – неплохая идея.

Через телефон отправляю оплату – это очень важно, сотрудники должны видеть, что даже владельцы бизнеса не берут ничего бесплатно, иначе соблазн воровать возникнет и у них. Куртка с капюшоном – минимум, что надо поменять, чтобы сбить слежку со следа. Телефон я тоже оставил в офисе, не нужен он пока мне. И чтобы ехать в город, я возьму корпоративный пикап, на своем не поеду.

Почему? А потому, что, как сказала одна пожилая дама, пережившая холокост, если кто-то обещает вас убить – поверьте ему. Поверьте, и тогда вы наверняка останетесь в живых.

– Шеф?

Это Бакс, мы его так зовем. Из местных, заведует складом. Честный парень, а больше от него ничего и не требуется.

– Давай грузить. Сегодня я на почту поеду...

Уже сформированные и упакованные заказы, полученные по Интернету, мы грузим в багажник почти нового «Форда-250». На этой машине я, как простой работник, отправляюсь в логистический центр US Post, он тут неподалеку, сдаю все это с потрохами и оплачиваю доставку. Американскую почту все ругают, но на самом деле она прилично работает, и пере-

плачивать более дорогим коммерческим службам доставки смысла нет. Выходя с почтового терминала, я осматриваюсь... стоянка... дорога. Нет, кажется, никто не следит. Хотя сейчас двадцать первый век на дворе и следить могут так, что ты в жизни не заметишь слежку. Но нет, кажется, не следят...

Хм... что же мы могли сделать такое? По дороге на терминал можно об этом подумать. Тем более когда нет пробок на хайвее, вести машину можно почти на автомате...

Что же мы натворили...

Я не жил в США до 9/11 – но Боб жил, и, судя по его рассказам, с тех пор многое изменилось. Очень многое. До 9/11 было невозможно себе представить, чтобы судья выписал ордер на слежку за неназываемым лицом. До 9/11 было невозможно себе представить, чтобы в эфире американского телеканала кто-то всерьез предложил убить Путина или любого другого иностранного политического деятеля. До 9/11 было невозможно себе представить, чтобы в аэропорту на вас приказным тоном орала сотрудники транспортной безопасности, да и простые полицейские тогда держали себя в руках. До 9/11 было невозможно лишиться имущества без решения суда, а сейчас такое сплошь и рядом, полицейские безнаказанно грабят страну. До 9/11 вообще не было такой чертовой кучи агентств, частных компаний и служб, которые следили за тобой, с ордером и без.

А сейчас все это есть.

За нами может следить ATF – бюро по алкоголю, табаку и огнестрельному оружию. Еще одна куча подонков, которые ищут, чем бы им заняться. Если это так – то они пытаются понять, не продаем ли мы налево, и, возможно, попытаются нас на это спровоцировать. Провокация – их основной метод работы, повелся – десять лет в федеральной тюрьме. Но я уже сходил на пару семинаров по американскому оружейному законодательству и знаю, что к чему. И у меня есть дорогой адвокат – Михаил Гришман, тоже бывший наш. ATF не связывается, если есть дорогие адвокаты, им проще спровоцировать какого-нибудь реднека.

За мной или за Бобом может следить ФБР. Сейчас повесить себе хвост проще простого, достаточно пары неосторожных высказываний в Сети, зайти не на тот сайт – и готово. Америка живет в постоянном психозе, а свободы в Сети – намного меньше, чем кажется. После того как Исламское государство стало совершать теракты на американской земле, а основным профилем террориста стал одиночка с автоматом, прочитавший пару страниц про джихад, саморадикализовавшийся и пошедший со стволом в ближайший гей-бар или еще куда, – все как сбесились. ФБР, местные... Иногда человек сидит в интернет-кафе и тут подкатывают маски-шоу...

А Боб... Боб, понятное дело, не исламист, он сам себя называет «конституционалист». Это тут такие люди, у них что-то вроде религии, и священная книга – Конституция США. То есть это ультрапатриоты. Но после нескольких инцидентов – вопросы у властей появились и к конституционалистам. И у конституционалистов – к властям. Конституционалисты считают, что федеральное правительство узурпировало власть и последовательно лишает граждан их прав, гарантированных Конституцией США. Нельзя при этом сказать, что они совсем уж не правы.

И если учесть тот факт, что Боб работает с оружием и снаряжением, – могут следить. Хотя налево он не пускает, я это точно знаю.

Ну и последнее – следить могут за мной. А обнаружил слежку Боб. Хотя это самая невероятная версия из возможных.

Вот в таких невеселых думках я и паркую свой грузовик на паромном терминале. Отсюда я – на пароме в город...

Нью-Йорк – это город у большой воды, как и большинство крупных городов США. Он стоит в одном из красивейших заливов мира, и по заливу ходят паромы, очень дешевые. Потому многие жители Нью-Йорка оставляют машины здесь, в город добираются на пароме, а

там берут такси, садятся на метро или даже добираются до работы пешком, благо паром идет как раз до Манхэттена. Это намного дешевле, чем платить за проезд через мост, а потом еще и за парковку, и чаще всего быстрее. Немало на пароме и туристов – это самый дешевый способ увидеть статую Свободы...

Если за мной кто-то следит, то он вынужден будет оставить машину и пройти со мной на паром, а на пароме еще и держаться поближе, потому я внимательно смотрю, кто со мной заходит на паром, – в эту часть дня и в эту сторону едет не так много народа.

Нет... никого подозрительного нет.

Паранойя?

Пока паром идет к своей станции на Манхэттене, я в который раз успеваю полюбоваться одним из самых узнаваемых видов в мире – Манхэттеном с воды. Ватерфронт – наверное, отсюда это слово и пошло. Город у воды. У большой воды. Почему-то я раньше жил в других городах и не знал, как это круто – жить в городах у воды. А теперь вообще не представляю себе другого...

О... а вон и полиция. Катер и пулемет на носу. Спаренный. И чувак в бронежилете и крутых очках. Двадцать первый век, господа...

Двадцать первый век.

США, Нью-Йорк

11 августа 2019 года

Как я, кажется, уже говорил, в самом Нью-Йорке можно прекрасно обходиться и без автомобиля, что многие и делают. Метро, муниципальные автобусы, куча такси. В последнее время появился еще каршеринг – это такие машины для всех, они стоят на улицах. Оплачиваешь по телефону, по телефону же отсылаешь скан своих водительских прав – в ответ тебе приходит мелодия на телефон, которая открывает машину и заводит мотор – телефон превращается в брелок автомобильной сигнализации. Сел, проехал, сколько тебе надо, оставил. Поездка отслеживается через телефон, через него же списываются деньги, если не хочешь номер своей кредитки давать. Удобно! Но я не пользуюсь каршерингом.

Вместо этого я по старинке ловлю такси и прошу отвезти меня на Брайтон-Бич. Там у меня офис по недвижимости, и заодно зайду к дяде Мише, посоветуюсь. Жизнь в США быстро учит, что советоваться с адвокатом надо даже по вопросу, который час.

Машина такси – новенький «Форд», водитель, по-моему, украинец, и пока мы едем нью-йоркскими улицами, он успевает мне вывалить всю свою душу, от того, как он сюда приехал, как живет тут непонятно по какой визе и хрен знает где, и до ругани на жадность владельца кеба¹⁷ и сбивающего цены Юбера – мол, пошлешь на родину денег, а жить на что? Я молчу, потому что жизнь уже научила меня молчать. Научит и этого бедолагу, сорвавшегося со своей родины в далекие дали за поиском лучшей жизни. Скоро он поймет, что, наверное, ошибся, но будет уже поздно.

А пока мы едем не самыми ровными улицами, я попробую вам рассказать, в чем же феномен этого города...

Обычно люди, которые сюда приезжают, через какое-то время испытывают разочарование. Дороги не самые ровные. На улицах срач, лежит в мешках иногда по несколько дней мусор и бегают крысы. Аэропорт Кеннеди давно пора снести и новый построить, тот же бакинский имени Гейдара Алиева – рвет старый и грязненький ДжФК, как тузик грелку. Аренда дорого. Интернет дорого, особенно безлимит¹⁸. Стоянка дорого. Метро – рядом с московским и не стояло. Архитектура... не фонтан, скажем, есть куда более интересные города, застройка хаотич-

¹⁷ Такси называются по-лондонски кебами.

¹⁸ Интернет в США дороже, чем в России, в 2,5–3 раза.

ная. С трафиком проблемы. Наконец, работу найти не так-то просто, и не хорошую, а любую, и зарплата – только на вид кажется большой. На самом деле я знаю парня, который уехал в Китай преподавать бизнес-инглиш и предпринимательство и сейчас не нарадуется на свою зарплату и условия труда и возвращаться не собирается.

Но все равно столицей мира был и остается Нью-Йорк, а не Шанхай, и вот почему.

Во-первых – люди. Я еще не встречал таких пробивных людей – кажется, они на каких-то батарейках. Здесь не принято жаловаться на судьбу, у кого-то что-то клянчить... пробивайся, и у тебя все получится. И пробиваются. Но одновременно с этим ньюйоркеры намного более честные и какие-то... человечные, что ли. Здесь не принято кидать вообще... ну, может, в дурных районах и принято, но нормальный человек тебя не кинет никогда. Здесь работники не думают, как обворовать работодателя или «где бы не работать, лишь бы не работать», а работодатель, в свою очередь, и понятия не имеет, что такое «невыплата зарплаты» – здесь это немедленно суд. Здесь до сих пор сохранились такие понятия, как этика, мораль, честность. Именно поэтому здесь легко делать что-то.

Во-вторых, если тот же Шанхай – это большой китайский город, где китайцы делают бизнес со всем миром, то Нью-Йорк – это мировой город. Здесь есть люди всех национальностей и всех религий, которые есть на Земле. Здесь торгуют всеми товарами, которые производятся где-то на Земле, – это мировой хаб. Этот город открыт всему миру нараспашку, в отличие от закрытых Москвы и Шанхая. Именно поэтому столицей мира является Нью-Йорк, и я не хочу отсюда переезжать...

Хотя... полицейские лодки с пулеметами – эту открытость как-то...

– Приехали...

...

– Приехали, говорю. Бруклин-Бич.

Таксист смотрел на меня, обернувшись...

– Денег, что ли, нет? – спросил он.

– Есть деньги... – на автомате ответил я, – есть...

И этот скоро станет ньюйоркером. Наверное...

Несмотря на то что с экономикой в США вроде не все так ладно, как хотелось бы, – с недвижимостью все было неплохо. Продажи росли. Причин было несколько. Дальнейшее увеличение количества чайлдфри и однополых пар стимулировало миграцию из пригорода в город. Люди продавали дома в пригороде, которые, кстати, в основном очень давно построены, здесь живут и в столетних домах – и переселялись обратно в город, который сейчас активно застраивался новыми кондоминиумами и апартаментами... Гарлем застраивался, на том же Брайтон-Бич строительство началось. Снова росли цены на топливо, да и вообще – снижение зарплат делало невыгодным каждый день делать поездку на работу миль по шестьдесят-семьдесят... дорого. Экономические проблемы не затрагивали богатых и верхний средний класс – а те в последнее время полюбили жить в небоскребах. Новый тренд недвижимости Нью-Йорка – когда в одном небоскребе или деловом центре совмещены и жилые и нежилые помещения. Квартыры в них покупают те, кто тут работает, чтобы попасть на работу – им надо всего лишь проехать на лифте, время комьюта – минута. Есть бизнес-центры и с классическим жильем на продажу, а есть с небольшими апартаментами с рум-сервисом отельного типа. Их снимают те, кто по семейным причинам живет в пригороде, но по вечерам остается в городе: в понедельник они приезжают в город и в пятницу уезжают, такие апартаменты – чтобы переночевать, не более того. Собственно, ничего нового тут нет, раньше многие так жили – лавка на первом этаже, жилая комната на втором. Все новое – это хорошо забытое старое.

С недвижимостью я не так хорошо был знаком, но у меня была хорошая команда, и, похоже, нам подворачивался первый крупный проект, как раз из тех, которые делают людей

миллионерами и миллиардерами. Речь шла как раз о застройке Брайтон-Бич: самый опасный район семидесятых снова входил в моду, был спрос на жилье на первой линии, и, кто первым отхватит хорошие участки на застройку, тот будет иметь очень хорошие позиции при переговорах с банками и инвесторами о финансировании строительства. Ну, а кто это сделает, как не я, тем более что у меня под рукой дядя Миша, который все и всех знает. По крайней мере, в русской общине. Так что – построимся...

На то, чтобы подписать все необходимые документы и решить накопившиеся вопросы, ушло полчаса, после чего я решил пройтись пешком до дяди Миши и его офиса, который тоже, кстати, на дому принимал. Заодно еще раз посмотрим, есть хвост или параноя – на Брайтон-Бич любой чужак выделяется, как прыщ на заднице.

Уж поверьте мне.

А сам Брайтон-Бич...

Знаете... это не русский район, как написано во многих путеводителях. И не еврейский, хотя евреев тут полным-полно. Это советский район... осколок страны, которой давным-давно уже нет. Страны нет, а Брайтон-Бич есть. Который с нынешней Россией роднит разве только русский язык да любовь к некоторым эстрадным исполнителям...

Это место, где до сих пор смотрят видео на видеомagneтофонах, а песни слушают на кассетниках, а фотографируются на пленку. Это место, где рассекают на «шестисотых мерсах» из девяностых и «Гранд-Чероки» тех же лет, еще и с московскими номерами. Это место, где на скамейках сидят бабушки и дедушки, которые все и про всех знают. Это место, где можно жить от рождения до смерти, не зная ни слова по-английски. Наконец, это место, где придумали русский английский язык, в котором английские слова перемешаны с русскими и по-русски же склоняются. Например, тейкать – брать. На сейле был лютый треш – на распродаже было не протолкнуться.

Здесь евреев было едва ли не больше, чем русских, но с нью-йоркскими ортодоксами у них были более чем прохладные отношения: ортодоксы, которые ходят в меховых шапках и рожают по десять детей, евреев с Брайтон-Бич за своих не признают. На Брайтоне даже евреи – русские евреи. Кстати, одно время считалось, что через какое-то время русского Брайтона не будет, потому что старики вымрут, а молодежь ассимилируется.

Но Брайтон был до сих пор. Здесь можно было откусать холодца и черного хлеба, послушать Шуфутинского и Вилли Токарева. И встретить многое такое, о чем в современной, вестернизированной России давно успели забыть...

И я шел в тени огромного метромоста, который скоро обещали снести, и слушал, как по нему гремит поезд. А из лавки с записями подпевала Маша Распутина...

Дядя Миша Гришман был одним из аборигенов Брайтона еще с девяностых, один из тех людей, про которых можно писать книги и снимать фильмы – настолько богата и необычна их биография. Таких людей здесь намного больше, чем в среднем по Нью-Йорку, каждый – осколок давно рухнувшей страны, давно канувшей в прошлое культуры со своими словечками, праздниками, традициями, привычками, авторитетами и табу. Они сохраняют свою самобытность, несмотря ни на что, и будет жаль, если их дети американизируются – тогда от СССР и в самом деле ничего не останется...

Дядя Миша происходил из еврейской семьи, его отца вместе с детским домом эвакуировали в сорок втором из блокадного Ленинграда в Ташкент. В Ташкенте же маленький Миша Гришман рос, рос на стыке еврейской, русской и среднеазиатской культур. Мать же его была из репрессированных крымских татар, и, несмотря на этот брак, Борис Гришман все же стал прокурором одного из районов Ташкента. Именно в его районе, кстати, начинал работать некто Усманов, сын которого, Алишер, стал самым богатым человеком в России.

Сам же Миша Гришман окончил юридический факультет МГУ, работал в Москве, вел какие-то дела с союзными республиками и был вынужден покинуть родные пенаты в середине девяностых, когда происходил передел собственности и власти и стрельба в Москве приобрела совсем уже фронтовой характер.

Так дядя Миша оказался здесь и неожиданно сам для себя стал одним из основных адвокатов узбекской диаспоры Нью-Йорка. Помогал он и русским... мне помогал, имел связи – узбеки друг друга не бросали, держались вместе, не то что мы – русские. Дядя Миша помогал детям из местных узбекских семей поступить на юридический факультет местных университетов, брал на подработки – понятно, что его крестники были ему благодарны. Так что у дяди Миши были свои люди в ФБР, в налоговой, в мэрии, знакомый федеральный прокурор (почему-то азербайджанец, а не узбек) и еще много кто. В США, конечно, борются с коррупцией, но для них коррупция это деньги, а восточную форму коррупции в виде услуг и благодарностей они ни понять не могли, ни бороться с ней. Так что бизнес дяди Миши процветал, и к нему обращались не только с Брайтона, но и многие другие...

Дядя Миша имел собственный блок в одном из старых домов, на первом этаже он принимал, на втором и третьем – жил. Меня там уже знали, так что пустили без вопросов, я прошел через разделенный перегородками на кабинки зал и поднялся наверх по старой, дребезжащей лестнице и...

А это еще что...

– Михаил Борисович...

– А... здравствуй, Санечка.

Михаил Борисович... короче, я просто не ожидал такого. Гришман был домоседом, он за пределы Брайтона-то выбирался несколько раз в год. А сейчас – он был в сером, не по погоде жарком, костюме, с кепкой на голове, и у него было два... нет, похоже, что три чемодана.

– Михаил Борисович...

– Проводишь меня до вокзала?

– Да, конечно, – на автомате сказал я, – а...

– В дороге поговорим... Санечка.

Михаил Борисович... взял один чемодан, а я – два. И мы пошли на выход, но почему-то не через фирму, а боковой, выходящий на пожарную лестницу. Я, кстати, говорил Гришману заделать его, но он только смеялся и отмахивался.

В узком проулке между домами стоял автомобиль Гришмана, ухоженный и вылизанный до блеска, S600L в сто сороковом кузове. Тот самый, из девяностых. Стоил он сейчас даже в идеальном состоянии десятку, не больше... в США машины дешевеют очень быстро, так как ремонт дорог, и проще купить новую машину, чем заниматься ремонтом старой. Но Гришман держал машину как память и вкладывался в нее... «Мерседес» был как новенький.

– Клади сюда, Сашенька...

Я открыл дверь – и Гришман выкатился на улицу.

– Михаил Борисович... может, я поведу.

– А давай...

Гришман перебрался на пассажирское... дверь захлопнулась и моментально отсекала все звуки. Все-таки «Мерседес» есть «Мерседес».

Я тронул машину с места.

– Хороша, а?!

– Красавица... ты куда?

– На вокзал...

– Какой вокзал, в ДжФК давай... – засмеялся Гришман.

«Мерседес» плыл по асфальту... я вел осторожно – хотя подвеска могла выдержать и намного больше...

– По твоему делу, Сашенька. Я договорился, документы забереешь готовые у Димы. Денег не плати, я ему уже заплатил. Дима тебя не подведет...

– Понимаю... простите, Михаил Борисович... а вы...

– На Родину я, Сашенька. На Родину...

– А...

– Навестить хочу... Ташкент по ночам снится.

– Понимаю...

– А тебе Москва? Не снится?

Я пожал плечами.

– Да нет...

Мне на самом деле не снилась Москва. Почему-то не снилась. Как отрезало.

– А зря... Очень зря, Сашенька...

Я притормозил... пробка. Начинается.

– Михаил Борисович... вы же знаете, у меня – обстоятельства. Нельзя мне в Москву.

Никак нельзя.

– Ну, тогда во Францию поезжай. Где служил... вспомни старое, тряхни стариной.

– Работа, Михаил Борисович... – сказал я и понял, что что-то не так. Гришман напряженно смотрел в стекло... старика что-то напрягало и напрягало серьезно. Машина снова набрала ход, и я поинтересовался:

– Случилось что, Михаил Борисович...

– Случилось, Сашенька. Случилось.

Я вдруг понял, что. Гришман болен. И поездка эта в родные места – скорее всего...

– Сколько? – спросил я.

– Да кто его знает...

– Врачи что говорят?

Гришман вдруг недоуменно уставился на меня.

– Саша, ты чего.

– Извините, Михаил Борисович...

– Ты подумал, что у меня...

И тут Гришман сделал то, чего я никак от него не ожидал. Он... рассмеялся.

ДжФК стоял на своем месте, вместе с его гулким неудобным терминалом, тесными парковками и разбитым асфальтом. Я оставил «мерс» на парковке, собрался выйти за чемоданами, и тут Гришман остановил меня:

– Подожди, Саша...

...

– Ты подумал, что я болен, так?

– Ну...

– Я здоров. Только обследование проходил.

Я ничего не сказал, потому что не знал, что сказать.

– Но вот из страны надо уезжать. И как можно быстрее. Пока выпускают...

Следующие десять минут я слушал и при этом чувствовал, как у меня медленно, но верно встают дыбом волосы...

– Я старый еврей, Саша... – сказал Гришман, глядя в лобовое стекло, – повидал много. И плохого, и хорошего. И когда плохого ждать, я знаю...

...

– Есть мальчик... знакомый. Не буду говорить, кто и где... ни к чему это. Он мне вчера сказал – дядя Миша, уезжать надо. Вот-вот начнется. Совсем скоро.

- Скоро – что?
- Чрезвычайное положение введут, Сашенька. Вот набились мы тут в мышеловку, а она – хлоп...
- ...
- И все...

На Ташкент дядя Миша улетал люфтваганзой, потому что прямого между Большим Яблоком и Ташкентом не было. Зарегистрировавшись на рейс, дядя Миша подмигнул мне и сунул ключи...

- За ласточкой моей присмотри...
- И прошел в зону вылета, не оглядываясь.
- Так...

В голове шумело... от всего, от шума аэропорта, от самолетов, от сказанного... бред какой-то сегодня, а не день. Пройдя в Старбакс, я заказал Гватемала Медиум, присел за столик. Отхлебнул... привычный вкус на этот раз показался горьким, меня чуть не стошнило. Я понимал почему... снова судьба выбросила меня в зазеркалье, где все не то, чем кажется, все имеет двойное дно и никому нельзя верить. Я долго уходил от этого... но нет... видимо, каждый пес обречен возвращаться к своей блевотине...

... Я старый еврей, Саша... Повидал много. И плохого, и хорошего. И когда плохого ждать, я знаю... От судьбы не убежишь, Саша. Мы сами во многом виноваты.

- О чем вы?
- Знаешь, есть такая притча... я не знаю, какого народа – но есть. Есть... однажды в один из городов повадился дракон... начали пропадать люди... один... другой. Люди ничего не могли с этим поделать... но они знали про то, что в лесу живет могущественный колдун. Они выбрали сильного и молодого воина, собрали денег, сколько смогли, и послали к колдуну, чтобы тот сделал его неуязвимым и тот мог сразиться с драконом. Воин пришел к колдуну и попросил, возьми деньги и сделай меня неуязвимым. Колдун покачал головой и спросил, зачем тебе это? Чтобы сразиться с драконом, ответил молодой воин. Колдун сказал, я могу сделать так, чтобы ты победил дракона. Но тогда ты сам станешь им. Станешь драконом.
- Я по-прежнему не понимаю.
- Говорят, здесь когда-то были права. И уважение к ним. Но когда пришла пора сражаться, Америка захотела стать неуязвимой. И она стала драконом.
- Дядя Миша...
- Я знаю, ты меня свихнувшимся старым ослом считаешь. Но что плохого будет в том, что ты уедешь?
- Я не могу. Надо готовиться к выставке, надо вести переговоры со строительными компаниями, с инвесторами.
- Сюета сюет...
- ...
- Что ж, дело твое. А я поеду. Ведь от того, что я проведу могилу отца, ничего плохого не будет, так ведь?

Наверное, я и до этого сам себя накрутил... слезкой этой идиотской. Боб с его конституциональной шизой, дядя Миша с его Ташкентом...

Бр-р...

Я бросил стаканчик с кофе в мусорку и пошел за машиной. На выходе заметил даму с короткой стрижкой, самсонайтом и ноутбуком... короче говоря, четыре к пяти, что автомобиль она тут не оставила. На выходе я прибавил скорость, поравнялся с ней и предложил:

– Подвезти? Или вы предпочитаете такси?

Даму звали Алана... короче. Как я понял, она работала в какой-то инвестиционной компании, так что «Мерседесу» не удивилась. Впрочем, я, со своим старым, но ухоженным «Мерседесом» и весьма специфическим чувством юмора, вполне сошел за того, кем представился, застройщиком, ищущим возможности. Почти, правда, кстати.

Так что мы посидели в одном заведении, а потом поехали к ней домой, в дюплекс на Гринвич-виллидж. Кстати, хорошо живут финансовые аналитики, квартирка миллион стоит, не меньше...

Нам бы так жить...

Проснулся я от едва слышного шороха. Похоже, дама пошла куда-то... я сделал вид, что сплю и ничего не заметил.

Немного подождал... потом поднялся... прошел на кухню. Алана плакала... над кофемолкой. Я молча прижал ее к себе... она прошептала:

– Почитай стихи.

– Какие?

– Какие ты читал...

Стихи... значит. Ну, стихи так стихи...

When in the heat of my embrace
I capture your elastic figure
And lavish words of loving praise
On you with tenderness and vigor,
Dear friend, you free your slender build
Of my contracted arms in silence,
And to my words sincere and thrilled
Reply with your mistrustful smiling;
Safeguarding in your memory
Sad tales of loyalty's declension,
Without compassion or attention
You listen dreadingly to me...
I curse my crafty aspirations
Of youth, with all its vain delights,
And waiting for the assignations
In gardens, in the silent nights;
I curse the words' romantic mumble,
Mysterious melodies of verse,
And kisses of believing girls,
And then their tears, and later grumble¹⁹.

– Как все надоело... – прошептала она: Как я тебя понимаю...

– Давай, сварим кофе, – сказал я, – кстати, ты всегда так рано просыпаешься?

– Нет. Просто сошла с ума от смены часовых поясов.

– Я тоже сошел с ума.

Она фыркнула:

– Не прикидывайся. Я для тебя еще одна победа.

¹⁹ Это Пушкин в переводе на английский. Когда в объятья мои...

– Это не так.

Она вдруг посмотрела на меня прямо и честно:

– Правда?

Я не отвел взгляда:

– Да.

Молчание прервал телефонный звонок.

– Это мой...

Алана пошла за трубкой, а я...

Я, наверное, не смогу уже жить как обычные люди: наслаждаться чашкой кофе утром или почти что ночью, женщиной, видом огромного города из окон.

– *На... на... майн нахин самджи...*

И слышу я хорошо...

– Проблемы?

– А?

– Ты выглядишь, как будто у тебя кто-то умер...

– О, нет...

Алана посмотрела на часы. Я примирительно поднял руки.

– Намек понял.

Она смутилась.

– Нет, ты не так все понял...

Неловкое молчание прервала она.

– Душ принять не хочешь?

На улице я оказался лишь в полвосьмого утра.

Нью-Йорк никогда не спит, но мне больше нравится именно это время – с шести примерно до восьми утра, когда встает солнце и еще не началось нашествие леммингов. Из-под крышек люков пробиваются струйки пара, мусорщики на ходу забрасывают пакеты в медленно идущий мусоровоз²⁰, полицейские ночной смены пьют свой кофе. Надо бы и мне выпить...

– Доброго утра, офицер...

Чернокожая полицейская сверкнула улыбкой:

– И вам доброе утро, сэр...

Ну, вот. А говорят, Америка превращается в полицейское государство – просто надо к людям с добром, и они к тебе потянутся.

Сказать?

Нет, не скажу.

«Мерседес» стоит на месте, хорошо, что парковочную квитанцию не подсунули. Поеду-ка я отсюда по-хорошему...

А насчет Аланы... не знаю я ничего и знать не хочу. Язык, на котором она сейчас по телефону отвечала, – это не что иное, как урду, распространенный в Пакистане, а теперь и в арабских странах, группа индо-иранских языков. И пыль, которая на ноутбуке немного осталась – немного, но осталась, – это та самая, мелкая афганская пыль-песок.

Так что действительно пойду-ка я отсюда. Счастливо оставаться, леди, вместе со всем, что вы задумали...

²⁰ Две особенности Нью-Йорка. Первая – центральное отопление не горячей водой, а паром, причем включается оно по часам. Вторая – во многих районах города мусор бросают не в контейнеры, а оставляют прямо на тротуаре в мешках, отчего город кишит крысами и жутко воняет.

США, Вашингтон ДС
Пенсильвания-авеню 1600
Белый дом
11 августа 2019 года

Конечно, я об этом не знал, но нелегкая ночка выдалась не только у меня, но и еще у многих людей. Причем мои проблемы были несравнимы с их проблемами...

Они сидели друг напротив друга – два бойца. Два опытных бойца, каждый из которых многое прошел на поле брани – каким бы оно ни было. Один из них был опытным бойцом в сфере бизнеса, второй – опытным бойцом в сфере политтехнологий. Четыре года назад один из них сделал другого президентом Соединенных Штатов Америки.

– Господи... просто поверить в это не могу.

Президент США отхлебнул кофе. Папка лежала на столе, он начал ее читать и не смог закончить.

– Но это так.

Господи... год до перевыборов. И такое дерьмо...

– С этим можно что-то сделать?

– Нет.

Президент сверкнул глазами на своего невозмутимого советника.

– Черт, ты всегда бываешь прав?

– Всегда.

Президент смирился. В конце концов, это никогда не был его человек – он принял его в качестве вице-президента как уступку партии. Которая тоже не была его партией. Один маленький нюанс: когда его вице-президент был конгрессменом, из девяноста законопроектов, которые он подготовил и внес на рассмотрение, – не прошел ни один. Просто потрясающая неэффективность. Если бы он так вел дела...

– Что будем делать?

– Есть две стратегии...

...

– Первая – все отрицать. Вторая – пройти через огонь.

– Что такое «пройти через огонь»?

– Начать скандал самим, не дожидаясь, пока его начнут другие.

– Не понял?

– Уволить этого придурка. С публичным скандалом.

– Смерти мой хочешь?

Серый кардинал Белого дома прошел к кофейнику, налил себе кофе. Только усевшись и хорошо отхлебнув из чашки, ответил:

– Видишь ли, Дон. Все это дерьмище все равно всплывет. Мы не сможем удержать информацию. Да и... какой смысл идти на перевыборы, зная, что у противников может быть такая бомба? Ты знаешь избирателя-республиканца – он консервативен и никогда такого не поймет:

– Может, пойдем на сей раз от демократов? Они поймут.

– Не смешно. Так вот, избиратели не поймут, но если ты проявишь твердость и сам избавишься от этого мудака – ты предстанешь защитником моральных ценностей. Ты ничего не знал, но как только узнал...

– Партия взбесится.

– Пусть бесится. Они не посмеют его защищать...

Президент усмехнулся:

– Защитник моральных ценностей... Звучит, а?

Президент США в жизни особо моральных ценностей не придерживался. Но что бы о нем ни говорили, он любил совершеннолетних женщин и был многодетным отцом.

- Мне с ним поговорить или вы?
- Давай, ты. Я этого говнюка больше видеть не хочу.
- Понял.
- Кандидаты у тебя есть?

...

- Я так понимаю, это тот, о ком я думаю?
- Да, именно он.
- Дерьмо.
- Да, но за ним стоят те, кто нам нужен.

Президент США встал, обернулся к окну. Овальный кабинет был совсем маленьким, тот, кто сюда попадает впервые, всегда удивляется – даже не пройти. За окном была ночь. У ограды Белого дома стояли палатки протестующих. Президент не знал, против чего протестуют эти люди, но те люди думали, что протестуют против чего-то очень важного.

Президентство вымотало его. Он всегда принимал решение сам, но, оказавшись здесь, он понял, что находится в центре змеиного клубка и лучше ничего не делать, чтобы не разбудить этих змей. Когда он боролся за это кресло – он думал, что сможет что-то кардинально изменить. Сейчас он опасался, как бы это кресло не изменило его самого.

– Дерьмо, – повторил президент, – нас нанял народ Соединенных Штатов. Кто-то здесь это еще помнит?

– Это слова. Не более того.

Президент повернулся:

- Хорошо. Поговори с ним. Пока просто поговори.
- Будет сделано...

Помощник поднялся со своего места. Когда он дошел до двери, президент окликнул его:

– Эй, Марк!

...

– С днем рождения...

США, Нью-Йорк

12 августа 2019 года

США – это страна новостей.

Новости здесь глотают, как и кофе, – на бегу, только если раньше здесь покупали газету и читали ее в метро, то теперь новости приходят на смартфон, по электронной подписке.

Я же не получаю новостей, потому что у меня нет электронной подписки. Как нет и личной электронной почты – только корпоративная. Как нет и личной странички в Фейсбуке и Инстаграме – только корпоративная. Потому я по недавно опубликованным DHS критериям безопасности отношусь к лицам подозрительным.

Я посмотрел на часы и понял, что опоздал на работу, но тут же вспомнил, что я вообще-то босс и могу себе это позволить время от времени. Потому я огляделся, нашел взглядом ресторанчик итальянской кухни, зашел туда и заказал завтрак. Ресторанчик был семейным, и потому за желудок можно было не волноваться. Нью-Йорк, кстати, в смысле питания вне дома один из лучших городов мира. Можно найти все, что душе угодно и на любой кошелек.

Итальянца, который меня кормил – он был пожилым и похожим на араба, возможно, даже сицилиец, – буквально распирало от желания поделиться со мной чем-то.

– Вы слышали, да? – не выдержал он, когда я знаком показал, что не отказался бы еще от одной чашечки кофе. – Ну дела. Совсем Бога не боятся...

Кофе был хорош – итальянский, а итальянцы научились варить его у арабов. На Сицилии же кофе лучший в Италии. Как и апельсиновый сок. И лимонный.

– Разврат, разврат. До чего мы докатились...

– А что произошло? – Я отпил кофе и показал большой палец. Итальянец расцвел – то ли от похвалы, то ли от того, что он нашел возможность поделиться новостью с тем, кто ее еще не знает.

– Вчера на ток-шоу. Супруга вице-президента обвинила его в том, что он насиловал собственную дочь!

Я покачал головой:

– Да уж...

– Сейчас только об этом и говорят. А давайте, я ноут принесу, там у меня все записано.

Посмотрим.

Я пожал плечами:

– Давайте.

Посмотрели.

Ну, то, что в Белом доме сидят придурки, – это знаю я, и не только я. По-моему, в период между выборами популярность федерального правительства составляет процентов тридцать в лучшем случае... а то и меньше. Но то, что там сидят ТАКИЕ придурки... этого я не подозревал.

Вице-президент США. Опытный государственный и политический деятель, с несколько нетипичной для американского политика карьерой – он начинал не как прокурор, губернатор или конгрессмен штата, а как полицейский. И только потом он попал в конгресс. Собственно, нынешний президент потому и взял его в свою команду – с экономикой и в стране, и в мире было по-настоящему плохо, и из них получался этакий тандем: призовой скакун и рабочая лошадь. С вице-президентом, насколько я помню, был связан скандал еще при выдвижении – уже работая в Вашингтоне, он бросил жену и женился на практикантке на двенадцать лет моложе себя. Но так как получилась вполне себе счастливая американская семья, с тремя детьми – общество посчитало это нормальным. И переизбраться тогда он тоже сумел, в его избирательном округе ему поверили. Тем более первая супруга после развода выходила замуж еще дважды и несколько раз вляпывалась в грязные истории, в том числе с наркотиками. Так что скандал удалось замять и кандидат в вице-президенты выглядел даже пострадавшей стороной, пытавшийся урегулировать проблемы в семье, притом что у жены (бывшей хиппи) уже были проблемы с наркотиками.

Но вот это...

У вице-президента осталась дочь от первого брака. И сейчас бывшая супруга вывалила на свет божий доказательства того, что развод был вызван не ее проблемами с наркотиками, а тем, что вице-президент США проявлял совсем не отцовские чувства к их дочери...

Вот это п...ц.

Выступила и сама доча. По телевидению, аж в шоу Опри²¹. Несмотря на скромное платье и вид страдальницы, нетрудно было разглядеть за этим сущность конченной б...

У нас интеллигенты (у которых тоже, как интеллигент, так какое-нибудь дерьмо) – а тут хиппи. Хиппи, твою же мать. Никогда не понимал этого, никогда не испытывал к ним никакого сочувствия. Лицемерные паразиты, паразитирующие на обществе. Балласт нации, если это так позволительно будет называть. В семидесятые эти твари чуть не угробили страну. Сейчас они приходят к власти. Не верите? Видели фото Хиллари в молодости? Нет. А я видел. Потому и не задаю вопросов – откуда что берется.

От грязи, от грязи...

Вопрос в том, что будет теперь. В принципе – ничего особо страшного не произошло. Президент тоже не самых честных правил человек, скажем так, а его бывший конкурент на

²¹ Шоу Опри Уинфри – самое популярное ток-шоу в США.

президентских выборах и вовсе погрязла в скандалах по уши. В том числе в сексуальных – сама призналась в том, что имела лесбийский секс в молодости, потом всплыли истории, что она имела лесбийский секс не только в молодости и... сейчас перевыборы на носу. Демократы на низком старте, кандидат у них – в общем-то приемлемый и говорит много правильного. А нынешняя администрация многих разочаровала.

Так что...

США, Нью-Йорк

12 августа 2019 года

После того как я поел нормальной человеческой пищи в итальянском ресторанчике, я сел в «мерс» и направился на работу. «Мерс», несмотря на свой возраст, был настоящей машиной – не едешь, а словно плывешь над дорогой. Единственные его недостатки – устаревший внешний вид и большой расход топлива. Но так – идеальная машина, даст фору многим современным. Машина, сделанная в те времена, когда вещи еще делали на долгие годы, а не с тем, чтобы через запланированный срок все разом сломалось и ты пошел покупать новую машину...

Пока ехал на работу, думал, что это все значит и куда это все нас приведет. Обвинение в педофилии в США – это очень серьезно. Если в Европе поговаривают о легализации педофилии, а в Швеции информацию об инцесте дают в школах, то здесь одно подозрение в педофилии может сломать человеку жизнь навсегда. Недавно одному гомосексуальному педофилу дали двести сорок два года – в США это возможно, просто каждый половой акт посчитали отдельным преступлением и за каждый назначили наказание без сложения. Другому – это был преподаватель танцев, он сожительствовал с несовершеннолетней русской девочкой-сиротой, ставшей потом известной балериной, – дали тридцать лет. Даже если педофил выходит на свободу – он не имеет права скрывать, за что он сидел, в некоторых штатах он должен вешать на дом специальную табличку. Даже тень подозрения в педофилии – это политическая смерть.

Я все-таки русский и, как и все русские, подозрителен, недоверчив и склонен делать далеко идущие выводы. Мне кажется, тут дело не только в том, извращенец наш вице-президент или нет (а я сомневаюсь в этом, уж очень хорошо все по времени подстроено – под выборы), быют по президенту. Который как был чужаком, так им и остался. В одной газете уже было написано, что он спит со своей дочерью. Газета напечатала опровержение и уволила автора статьи – но, как говорится, ложечки нашлись, а осадок остался.

На работе все было нормально, Боба только еще не было – видимо, отсыпается после Форт Брега или похмелье лечит. Последнее маловероятно – на службе спецназовцы так привыкают к безалкогольному пиву, что пьют его и после отставки. Там я был уверен, что все нормально, документы на отправленный товар я положил куда надо и занялся техническими вопросами. Нам надо было подготовиться к предстоящему Shot Show, причем подготовиться так, чтобы иметь хорошую прессу – то есть чтобы журналисты оружейных изданий про нас написали, взяли наше оружие на испытания. Вопросов было полно, в том числе к южнокорейцам – могут ли они это произвести (в Россию я даже не пробовал с этим, там годами раскачиваются). Вопрос, например, вставал по полной модельной линейке в калибре 6,5*39. Немалая часть успешности русского оружия в Штатах – дешевые патроны, Барнаул как раз дал массово этот калибр на рынок – и он разом закрыл нишу среднего калибра, обойдя своего главного конкурента – 6,8*43 Ремингтон. А потому – как, например, насчет аналога Табука²², но под патрон 6,5? Была у меня и еще одна мысль – «СВД» под калибр 303 British. Этот патрон – массово производил Новосибирск, и цены были приемлемыми, но под этот патрон были только «Энфилды» и «Брэны», старые, британские, и новodelы, производимые в Индии²³. На мой

²² Иракская снайперская винтовка, переделка из «РПК».

²³ Мало кто знает – но и винтовка «Энфилд» и пулемет «Брэн» до сих пор производятся в Индии.

взгляд, раскрыться этому патрону мешала только ограниченная и устаревшая линейка оружия под него. А ведь реконструкторы Второй мировой считают его лучшим винтовочным из всех, это был единственный патрон своего времени, позволявший стрелять на тысячу ярдов. Посмотрите... хотя бы фильм «Жадотвилль», производства Нетфликс – там дальний выстрел делают из пулемета «Брэн» именно этим патроном...

Вот так... в обсуждении технической стороны вопроса, на месте и по Вайберу с южнокорейцами прошло два с лишним часа, и тут до меня дошло, что Боба нет до сих пор. Но начать беспокоиться и звонить я не успел: Марк подошел случайно к окну и отскочил как ошпаренный.

– Сэр...

...

– К нам гости, сэр...

Это могло означать все что угодно, и потому я машинально проверил – на месте ли пистолет. Но, посмотрев в окно, понял, что пистолет не поможет – «Форд» местного шерифа и Субурбаны федералов. Твою же мать, с...и, только этого сейчас не хватало...

– Так... всем спокойно. Ничего страшного не происходит...

К федералам я спустился, на всякий случай держа руки перед собой. Почему? А потому, что полиция, простите, охренела вконец. Дело в том, что в США не существует такого понятия, как УПК, Уголовно-процессуальный кодекс, а есть чертова тьма судебных прецедентов. И нет закона о полиции – в каждом штате все устроено по-своему. Но почти везде используется концепция officer safety first. И это означает, что офицер может тупо пристрелить тебя, если офицеру что-то не понравится или если он найдет к этому малейший повод. Таких случаев было уже немало, и вообще в последнее время многим кажется, что мы находимся в оккупированной полицией и федералами стране. Например, вы слышали, что недавно отчудила полиция Орегона? Теперь их департамент наркоконтроля ходит со специальными банковскими кард-ридерами, и если вас поймали в месте, где продают наркотики, или у агентов возникло подозрение, что вы покупаете наркотики (обратите внимание, только подозрение – никто ничего никому не доказывает и доказывать не обязан), то они имеют право не только конфисковать все ваши наличные деньги, но и списать все деньги с карточек, какие есть. Причем до семидесяти процентов от конфискованного (в разных штатах по-разному, но обычно не менее трети) идет на нужды полицейского департамента, который это конфисковал. Вы понимаете?! Получается, полицейские материально заинтересованы в том, чтобы подозревать всех и каждого и забирать у них деньги. И они делают это. Разбой среди бела дня.

Вот и эти... по тяжелому идут, с...и. Два щита... щиты они, видимо, подсмотрели у нашего спецназа на Кавказе... за ними сгрудились ублюдки, с винтовками Ar15. Несколько лазеров направлены на меня.

– На колени!

Ублюдки. Ладно, банкуйте.

– Руки за голову!

Пиар-асы...

Возможное будущее

США, Нью-Йорк

12 августа 2019 года

Американская политика – штука сложная. Намного сложнее, чем, к примеру, в России, где все решает, как известно, Путин. Намного сложнее, чем в Германии или Великобритании – там есть партии и ничего, кроме партий.

Американская система намного сложнее, и в ней есть намного больше групп влияния, оформленных не всегда в виде партий. Немалую роль играют те, кто дает деньги – понятно, что партия может выдвинуть кандидата, – но немалую роль в его выдвижении будет играть его способность собрать деньги. Если он способный кандидат, но ему не дают деньги – кто профинансирует его предвыборную кампанию и как он победит?

И президент, несмотря на то что он избран американским народом, в той же мере зависит от богатей. Потому что через четыре года ему переизбираться и снова собирать фонды. А потом, после того как ему повезет – или не повезет, – надо за счет чего-то жить.

Система взаимодействия политики и бизнеса сложна, но эффективна. Ее основой являются советы директоров и независимые советы в компаниях. Так как в США сейчас большинство крупных компаний принадлежат не кому-то конкретному, а пенсионным и взаимным фондам – нужен совет директоров с независимыми кандидатами или наблюдательный совет, для того чтобы защитить права миноритарных акционеров. В этот совет зовут обычно отставных политиков, и не просто из благодарности или по необходимости, а в расчете на то, что отставной политик снова взлетит на самый верх. И тогда не забудет про тех, кто помог переждать сложное время. Такое, кстати, часто бывает: Ричард Чейни, например, самый влиятельный вице-президент в истории США. Вице-президент при Буше-младшем, он был главой администрации при Буше-старшем, а задолго до этого, еще при Форде, он был министром обороны.

И в какой совет тебя позовут, и позовут ли вообще, – зависит только от тебя.

Первым делом Марк выехал в Род-Айленд. Это самый маленький штат США и один из тех, кто основал США в самом начале. Это также штат, где любят отдыхать богатые и очень богатые люди – на полях для гольфа и в охотничьих заказниках решается большая политика.

На поле для гольфа, которое сегодня было закрыто для частного обслуживания, – Марк переоделся в одежду для гольфа и взял напрокат набор клюшек и тележку для перевозки их по полю. Он ненавидел гольф. Равно как ненавидел и американский футбол – самый американский вид спорта. Он так же ненавидел жареную картошку, кентуккийского жареного цыпленка и практически все, что считается исконно американским. Он любил шахматы и плавание. Многие считали его одним из самых умных людей в стране.

Члены клуба ждали его у первой лунки. Они были одеты с тем небрежным изяществом, которое отличает тех, кто выбился в люди, от тех, кто имел все с самого детства. Многие даже не помнили, откуда у их семей деньги. У всех у них были свои клюшки и одежда с инициалами.

– Марк...

...

– Давайте начнем.

Марк установил мячик и взял клюшку из тележки. Члены клуба переглянулись, потом один из них мягко сказал:

– Марк, попробуй лучше вон ту.

Марк сменил клюшку и ударил. Неумело, но сильно. Мячик взлетел навстречу солнцу и куда-то пропал.

Члены клуба вежливо кивнули:

– Не надо всей этой дряни, – поморщившись, сказал Марк, – я знаю, что играю очень плохо. Но я не за этим приехал.

– Все с чего-то начинали. Так с чем же ты к нам приехал?

– Вы все в курсе, что происходит в Белом доме, так?

– Бедняга... – сказал кто-то.

– Между прочим, этого типа подсунула нам партия. И кто-то мог бы сделать домашнюю работу, проверить, что у него в загошнике.

Члены комитета переглянулись.

– Марк, наверное, сейчас не лучшее время для взаимных обвинений. На носу выборы.

– О'кей, о'кей, нам нужен новый вице-президент.

– И кого же вы видите на этом посту?

Марк назвал фамилию. Члены комитета снова переглянулись.

– Мать твою, – сказал глава комитета, – да вы издеваетесь.

– То есть?

– Вы что, считаете, что в самом деле сможете это проверить? Назначить на должность вице-президента бывшего управляющего строительным бизнесом нашего президента и ждать, что это все дерьмо прокатит?

– А в чем проблема?

На самом деле Марк понимал, что кандидатура явно не проходная – он назвал ее, чтобы иметь пространство для маневра. Но все равно – его резануло, как члены собственной партии относятся к своему президенту.

– Да в том, что это дерьмо полное!

– Черт возьми, не забывайте, что речь идет о президенте Соединенных Штатов! – вспыхнул Марк. – Он имеет право набирать свою команду. И не обращайтесь с ним как с проходным кандидатом! Он привел вас в Белый дом, вашу мать! Что вряд ли бы сделал кто-то иной. Так что имейте, вашу мать, уважение к его решениям!

Члены комитета переглянулись. Потом заговорил грек по имени Захарий, прирожденный дипломат и самый мягкий из всех собравшихся.

– Марк, мы уважаем, безусловно, решения нашего президента. Но тут выборы на носу, и потому – да, мы имеем право смотреть на него как на кандидата и прикидывать его шансы остаться на посту и после этих выборов. А это зависит не только от избирателей, но и от партии.

Марк фыркнул:

– Вы хотите сказать, что выдвинете своего кандидата? Вы что, хотите повторить выборы 1912 года?

– Речь об этом не идет, – заговорил еще один член партийной первички, – но ты должен понимать и, главное, донести до своего шефа всю сложность ситуации. Он привел нас в Белый дом – да, о'кей, это так и есть. Он имеет шансы снова победить – допустим, что это тоже так и есть. Но мы должны думать и смотреть дальше. Он приклеил к нам, ко всей партии ярлык, ярлык партии, которая сочувствует Путину и чуть ли не предает Америку. Мы не можем не думать о том, что с этим делать.

– Чушь, и вы это знаете. Вы прекрасно знаете, кто ведет эту кампанию и зачем. И вы должны понимать – демократы действительно хотят вытеснить нас с электорального поля раз и навсегда, привлекая в страну все больше и больше мигрантов²⁴. Чтобы противостоять этому, надо добиваться, чтобы на избирательные участки приходили те, кто и не думал делать этого раньше. Господи, вы так и не поняли, почему победили в 2016-м.

– Мы все поняли, Марк, – сказал Захарий, – но согласись, глупо дразнить гусей и подливать масла в огонь. У президента есть три уязвимых места – его возраст, его склонность к волонтаристской кадровой политике и его слабость к России и Путину. Правильное назначение кандидата в вице-президенты снимет два из трех.

Марк выдохнул:

– Кого вы видите?

Имя было названо.

– Вы с ума сошли? – искренне изумился Марк.

– Отнюдь.

– Он военный!

²⁴ Практически все мигранты, имеющие право голосовать, и все национальные общины – поддерживают демократов. Исключение составляют русские – они почти все республиканцы.

- Бывший военный. Как и Эйзенхауэр.
- Мать вашу, да вы издеваетесь.
- Почему?

Марк скривился:

– Он военный – раз. Он родился на северо-востоке и не привлечет в нашу копилку ни одного штата – два. Черт возьми, у него нулевой политический опыт!

- Но он патриот.
- Что значит патриот?!

Члены комитета молча смотрели на Марка.

- Вашу мать...

...

– Знаете, я один из тех, кто обеспечил вам Белый дом. Я один из тех, кто сидел в Фейсбуке и Твиттере днем и ночью и постил там «давайте осушим болото»²⁵ и прочую фигню – я это делал, а не русские. И это привело вас в Белый дом – это, а не ваши тупые кретины с партконференции. Но вы так ничего и не поняли. Вы так и норовите выстроиться по линейке и спеть «Звездно-полосатое знамя» – и думаете, что это вам поможет победить. Но это ни хрена вам не поможет. Я передам ваши слова президенту, но знаете что. Лично от меня – идите на хрен.

С этими словами Марк бросил клюшки и пошел с поля. Члены комитета проводили его недобрыми взглядами.

- Отца родного продаст, подонок.
- Это точно.
- Играем. Чей удар?
- Мой.
- Давай.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Особенности выдвижения кандидатов в президенты основными партиями США.

Республиканская партия США.

Во главе партии стоит Республиканский национальный комитет (Republican National Committee, RNC). Он отвечает за разработку и продвижение Республиканской политической платформы, стратегию выборов и координацию сбора средств, а также за организацию и проведение Республиканского национального конвента. Аналогичные комитеты действуют в каждом штате США и большинстве городов, округов и избирательных округов.

Республиканский национальный конвент (Republican National Convention, RNC) проводится раз в четыре года в преддверии очередных президентских выборов для выдвижения официального кандидата в президенты от Республиканской партии, а также принятия платформы партии и правил избирательного цикла. Чтобы стать кандидатом в президенты, необходимо набрать половину голосов плюс один.

Демократическая партия США.

Деятельность Демократической партии координирует Национальный комитет, который занимается выдвижением кандидатов на пост президента и разрабатывает стратегию их поддержки, популяризирует Демократическую партию, привлекает денежные средства, нанимает штат в местные и национальный офисы. В Национальный комитет входят

²⁵ Один из главных лозунгов кампании 2016 года.

председатели и заместители председателей комитетов Демократической партии в каждом из штатов и более 200 избираемых участников.

Штаб-квартира Национального комитета находится в Вашингтоне.

Один раз в четыре года созывается национальный конвент (съезд партии), который избирает кандидатов на посты президента и вице-президента, а также принимает партийную программу.

Подготовку к выборам в конгресс осуществляют партийные предвыборные комитеты в сенате и палате представителей: Комитет по избирательным кампаниям по выборам демократов в сенат (Democratic Senatorial Campaign Committee) и Комитет по избирательным кампаниям по выборам демократов в палату представителей (Democratic Congressional Campaign Committee).

Три ключевых аспекта работы комитетов: привлечение средств, набор кандидатов и выработка платформы, привлекательной для избирателей.

Кроме того, Демократической партией образованы такие национальные органы, как Комитет Демократической партии по законодательным выборам, Ассоциация губернаторов-демократов, Комитет молодых демократов, Комитет демократов колледжей и др.

Для того чтобы стать кандидатом в президенты США, необходимо для начала победить в предвыборной гонке в собственной партии. Ее правила разнятся от штата к штату. 35 штатов определяют кандидатов путем праймериз (пробных выборов), 15 – посредством кокусов (делегирования кандидатов на съезд штата от первичных организаций и голосования). При этом правила проведения праймериз тоже различны. В некоторых штатах победивший кандидат забирает все голоса делегатов, а в некоторых они делятся пропорционально. В некоторых к голосованию могут допустить только представителя своей партии, в некоторых любого гражданина. В некоторых республиканские и демократические праймериз проводятся одновременно и даже одним бюллетенем.

Итогом серии праймериз становится партийная Конвенция, или партийный съезд, на которой официально объявляется о поддержке партией того или иного кандидата. Для этого лидирующему кандидату у республиканцев необходимо собрать в ходе первичных выборов не менее 1237 делегатов, у демократов – не менее 2383 делегатов (у демократов съезд более многочисленный).

Кроме избранных делегатов на национальные партийные съезды приезжают так называемые несвязанные делегаты, которые составляют около 15 % (у демократов) и 7 % (у республиканцев) от общего числа участников съезда и могут проголосовать за любого кандидата в президенты. К суперделегатам относятся лидеры партии, бывшие и действующие президенты и вице-президенты, лидеры конгресса, губернаторы от партии, члены сената, члены палаты представителей, избранные члены Национального комитета партии. У демократов некоторое количество суперделегатов поставляет каждый штат. Если у демократов суперделегаты могут голосовать как им угодно, то у республиканцев – только как проголосует их родной штат.

После того как кандидаты от партий определены – начинаются собственно выборы.

Есть еще одна традиция – правящая партия всегда поддерживает идущего на второй срок президента. Эта традиция была нарушена лишь однажды.

Где-то в США

12 августа 2019 года

После 9/11 в США задумались о кардинальной реорганизации системы безопасности страны. Расследование показало, что те или иные куски информации о готовящейся атаке были то ли в шести, то ли в семи ведомствах, а всего безопасностью государства занимается шестнадцать агентств и служб. Вот и решили на месте их создать одно суперведомство и над ним поставить человека с суперполномочиями. Назвали его странно – «царь разведки», именно так, tsar.

Реорганизация закончилась так, как и должна была закончиться реорганизация, которой занимались бюрократы – новое суперведомство создали, но и старые не только не распустили, а еще и бюджетных ассигнований подкинули. Было шестнадцать – стало семнадцать. Новое суперведомство называлось DNL department of homeland security, в дословном переводе – Департамент безопасности Родины. Частично они дублировали функции ЦРУ, частично АНБ, частично полиции, частично ФБР. При этом было создано как минимум шестнадцать тысяч рабочих мест (ничего не производящих) и построено немало новых федеральных зданий. И все это работало до 2012 года, до братьев Царнаевых, взорвавших Бостонский марафон, а потом появилось ИГ, и плотину прорвало. Сначала та история с супругами. Потом бойня на военной базе. Потом натурализовавшийся не до конца афганец – частный охранник увидел, как целуются двое мужчин, разозлился, взял табельное оружие, пошел в гей-бар и положил там пятьдесят человек. Потом террорист с пулеметом в отеле Лас-Вегаса. Короче говоря, террористы поняли, что любая организация может быть раскрыта, и перешли к джихаду одинок. Этот джихад заключается в том, что террористическая организация ведет аккаунты в соцсетях, там выкладывает видео из зоны боев и мотивирующие ролики, а также разъясняет, почему джихад обязателен для каждого муслима, и призывает либо ехать и вступать в банды на Ближнем Востоке, либо устроить джихад по месту жительства. Все это смотрят последователи, постепенно они саморадикализуются и принимают решение совершить те или иные поступки. И если даже один из десяти тысяч просмотревших ролик принимает решение пойти купить автомат, выйти с ним на улицу и устроить Курскую дугу – этого более чем достаточно. Никаких звонков, никаких переводов денег, никаких поездок, какие можно отследить, никаких летных школ. Просто циничные и хитрые провокаторы у одного компьютера и придурок с переклинившими мозгами – у другого...

Когда такие случаи стали происходить с пугающей регулярностью, на DNL возложили борьбу со всем этим дерьмом. Те не придумали ничего лучше, как создать фейковые сайты и аккаунты джихадистов, отслеживать активность на них и потом следить за теми, кто клюнул на приманку. Сотни агентов сидели у компьютеров и вели провокационные разговоры на тему джихада и прочего дерьма, не понимая, что они скорее плодят террористов, чем защищают страну от терроризма. Ведь если у человека есть какие-то нездоровые мысли в голове, то ему помощь нужна, а не услуги провокатора, который только хуже сделает. А как бороться с терроризмом – да просто для начала не пускать в страну всякую шваль! Братья Царнаевы были чеченцы, и можно было предполагать, что они могут сделать, но все равно пустили. Хотя надо было их депортировать, еще когда против них появились обвинения в домашнем насилии. Не можешь нормально жить – уезжай. Тот афганец, который бойню в гей-клубе устроил, – его не только пустили в страну, но и сделали ему лицензию частного охранника, по которой он купил боевой автомат марки SIG, из которого и устроил кровавое побоище. Те супруги тоже мусульмане с Ближнего Востока. Майор Надаль Хасан устроил бойню на военной базе. Как они

все оказались в стране? Этот вопрос никто не задает – неpolitкорректно. А стоило бы задать. Прежде чем создавать шестнадцать тысяч рабочих мест и строить новые федеральные здания.

Одно из таких вот федеральных зданий стояло недалеко от Нью-Йорка, и двое из тех шестнадцати тысяч новых сотрудников федерального правительства смотрели на мужчину, сидящего в допросной. Одного из сотрудников звали Алана, она имела диплом сертифицированного бухгалтера с правом аудиторской деятельности, но сейчас работала в специальных службах. Мужчину звали Дэвид, ранее он работал в прокуратуре Нью-Йорка.

– Что думаешь?

Алана покачала головой.

– Крепкий орешек.

– Этнический русский, но при этом гражданин Франции.

– Легион?

– Он самый.

– Франция предоставила нам информацию по нему?

– Нет.

– Почему?

– Потому что легион – это не Франция, так нам сказали. Легион есть легион, и в нем свои порядки.

Рифкин закусил губу.

– Хорошо, что мы знаем о нем?

– Получил гражданство США, по бизнес-визе, оружейный подрядчик, одновременно с этим торгует недвижимостью...

– АТФ может его прижать? Налоговая?

Алана отрицательно покачала головой.

– Я просмотрела его декларации. Конечно, мы можем назначить аудит за все пять лет²⁶, но на первый взгляд – там все в норме. Он налоговый резидент и платит аккуратно все, что должен. Налоговыми льготами также пользуется исправно, но на этом его не зацепить. Судя по всему, его отчетность утверждал хороший налоговый юрист, с которым мы и столкнемся, если попытаемся подобраться к нему с этой стороны.

– Пожертвования? Благотворительность?

– Ничего запрещенного.

– Профиль личности?

– Программа определила его как «лицо, представляющее возможную угрозу». У него нет аккаунтов в соцсетях, кроме тех, что относятся к его бизнесу, он ничего не выкладывает, не делает селфи. У него нет личного сотового телефона, есть корпоративный, но он мало им пользуется. В его квартире нет ни одного устройства, интегрированного в Сеть, его машина – это старая модель, к которой не подключиться. Он сделал все, чтобы держаться ниже уровня радаров, и на него почти ничего нет.

– Очень скрытный джентльмен...

– Что?

– Фильм такой был. Смотрела?

– Нет.

– Кстати, как дела в Узбекистане?

– Прости?

– Узбекистан. Ты же только что оттуда.

²⁶ В США срок давности по налогам не три года, как у нас, – а пять лет. При этом презумпция невиновности не действует, то есть налогоплательщик обязан доказывать невиновность налоговому органу. А не наоборот.

– О... все как обычно. Мало демократии, разлагающее русское влияние и много китайского бизнеса, который скупает страны Средней Азии одну за другой. Ничего необычного...

Алана подумала, что все мужики – все-таки полные придурки. Развести их как детей – ничего не стоит.

Осталось только решить – этот тип, с которым она трахалась всю ночь и сейчас он здесь, – это подстава внутренней контрразведки или действительно случайность? Учитывая то, что они собирались сделать, – в случайность верилось плохо...

Не так давно я прочитал в Рунете – русском сегменте Интернета – такую фразу: если в восьмидесятых мы свято верили в то, что на Западе соблюдаются права человека, то сейчас, услышав это, мы начинаем дико ржать.

Увы, это на самом деле так. В Соединенных Штатах Америки больше нет прав человека и гражданина, государство ведет систематическое наступление на «прайвеси», право на частную жизнь, используя всю мощь отстроенной, начиная с 2001 года, контрразведывательной и антитеррористической машины. За нами следят через миллионы камер, кто-то вскрывает нашу электронную почту и прослушивает наши переговоры по сотовому, судьи теперь выдают ордера на слежку за «неназываемым лицом» – до 9/11 такое трудно было себе представить. Ходят разговоры о том, чтобы обязать людей иметь аккаунт в соцсетях и поставить дома веб-камеру – это уже Оруэллом²⁷ пахнет. Что самое страшное – люди восприняли покушение на их права как-то безучастно и отдали завоевания демократии как-то без боя. Конечно, не все, но подавляющее большинство отдали.

Но я – не все. У меня действительно нет аккаунтов в социальных сетях, и я ничего не выкладываю. У меня нет личного сотового телефона, а дома нет ни одного гаджета, через который за мной могут следить. В моей машине нет блока интеграции в Сеть, которая может использоваться не только автодилером, чтобы пригласить меня на автосервис, предупредить меня о пробках на дороге или поздравить с Рождеством – но и ФБР, чтобы проследить, куда я езжу на своей машине. Насчет пробок на дороге – я лучше 511²⁸ позвоню. Я веду бизнес так, чтобы максимально использовать личные встречи и на них обо всем договариваться.

Наконец, я действительно плачу те налоги, от которых не отбиться налоговыми льготами (при том что мой бизнес – резидент низконалоговой зоны), и не такой дурак, чтобы нелегально продать что-то агенту под прикрытием ATF и получить за это десять лет. Я умею играть по правилам. И даже обыгрывать правила.

Так вот, когда эти уроды, вместо того чтобы просто задать те вопросы, которые они хотели задать, послали за мной группу спецназа – я подчинился. Но я знаю, что парни в офисе записали все на видео и уже звонят моему адвокату...

Адвокату... черт, он же уехал. Нет, адвокату они, конечно же, позвонят. Вопрос – какому. Нехорошо, когда нет под рукой знакомого адвоката.

Ладно...

Вон та стена – зеркало, но я уверен, что по ту сторону кто-то стоит и смотрит, думает, как бы меня расколоть. Смотри, придурок, смотри. И если ты думаешь, что у тебя что-то получится, ты сильно ошибаешься. Потому что я знавал допросы и похуже. Например, в Заире²⁹. Там был такой полковник Гранже – он сам так себя называл. Раньше был наш агент, то есть французский, а потом решил сыграть в собственную игру, тем более что на землях, которые контролировали его бандиты, было до хрена колтана³⁰. Это был такой милый и добрый чело-

²⁷ Джордж Оруэлл – британский писатель-фантаст, написал несколько аллегорических романов о тоталитаризме.

²⁸ Служба, отвечающая за состояние дорог в США, это такой же экстренный телефон в США, как и 911.

²⁹ Сейчас это Конго.

³⁰ Колтан – минерал, основные залежи которого находятся в Конго, он используется при производстве экранов для различной техники. Добывать его легко, можно и просто копанками, а стоит килограмм колтана дорого – от пяти тысяч долларов.

век, он перед допросом спрашивал, вы какие рукава в одежде предпочитаете, длинные или короткие. То есть вам руки выше или ниже локтей отрубить.

Там погиб мой напарник. А я не только выжил, но и отправил в ад этого полковника Гранже, вынес ему мозги пулей из Гекаты³¹. Так что американский допрос я уж как-нибудь выдержу. Спорим?

Ага, вот и дверь открывается. Не успели поспорить...

Зашел тип в костюмчике, судя по роже – еврей. Да, еврей, не ортодоксальный, с бородащей и в шляпе – но еврей, я таких сразу просекаю. В прокуратуре таких полно. Нет, я не антисемит. Просто доверия к ним нет, люди они... такие.

– Добрый день, – заявил он, присаживаясь напротив меня.

...

– Мистер... Краев.

...

– Я так полагаю.

Я не схватил наживку – уже в третий раз. Есть одно правило – не делай то, что от тебя ждут, и не вступай в разговор на чужих условиях. Проиграешь. Тем более если твоя позиция слабее. Импровизируй – и ты заставишь уже противника менять тактику на ходу и подстраиваться под тебя.

А в том, что это противник, – я ни разу не сомневаюсь. Американское государство оторвалось от нужд и чаяний своих граждан и ведет безумную, убийственную политику разрушения как внутри страны, так и за ее пределами. Так что это – противник.

Тип понял, во что я играю, вопросительно посмотрел на меня.

– Вы не желаете сотрудничать?

– Нет...

– Интересный ответ. Почему же?

– Потому что я не вижу, где мы можем посотрудничать.

– Простите?

– Сотрудничество. Этот термин означает, что две стороны работают вместе над чем-то к обоюдной выгоде. Здесь я не вижу, над чем бы мы могли поработать и какова здесь моя выгода. Вам что-то нужно от меня, и вы хотите это получить, не давая ничего взамен, но чтобы это выглядело пристойно, вы заменяете термин «допрос» на более политкорректный «сотрудничество». Хотя это остается допросом, верно? Ну, а сейчас я желаю один телефонный звонок, моего адвоката, и чтобы меня доставили к судье. Habeas corpus act это называется. Это не сотрудничество, это мои права, предоставленные мне законом и Конституцией США. И пока я все это не получу – на что я имею полное право, – я не вижу поводов для сотрудничества.

Тип в костюмчике сначала удивился, потом разозлился. Но этого я и хотел.

– Полагаю, вы не понимаете, в каком положении находитесь, мистер Краев. У меня есть право задержать вас по подозрению в антигосударственной деятельности и держать вас там, где я захочу и столько, сколько я захочу, не предъявляя никаких обвинений. У вас – нет никаких прав. Это понятно?

– Понятно, – кивнул я, – только вот я не знаю, чем провинились американские налогоплательщики, чтобы они содержали невиновного человека за свой счет слишком долго. И да... я предпочитаю пищу с мясом. Никаких морепродуктов и прочего дерьма.

– Что?

Все это привело к двум подряд гражданским войнам в Конго и полураспаду страны.

³¹ Тяжелая «СВ» французского производства, калибр 50BMG.

– Пицца. Вы же должны меня чем-то кормить, если будете содержать здесь сколь угодно долго. Я предпочитаю итальянскую кухню. Русская тоже сойдет. Но никакого Китая, никакой Азии – я это терпеть не могу.

Этого тип в костюмчике стерпеть уже не смог – вскочил и вышел из допросной.

Дальнейших вариантов было два – сейчас им надо было принять какое-то решение. Либо меня отпускают, либо начинают прессовать. И то и другое Америка умеет – если тут прессуют, то прессуют. Другое дело, что против меня у них есть.

Черт... Боб, ты прав был. Действительно – следили. Вопрос в том, почему.

Деньги? Стукнул кто-то? Просто плановая проверка?

И где ты сам, друг мой? Может, в другой комнате сидишь? Но ты тоже не расколешься, знаю я тебя...

От нечего делать я начал насвистывать русский мотивчик, который вчера услышал на Брайтон-Бич.

Скажи мне до свиданья
Скажи мне прощай
Скажи мне до свиданья
Я буду по тебе скучать...

– Он тебя расколол...

– Сама бы попробовала! – огрызнулся Рифкин. Он нервно пил кофе... Алану он знал с тех пор, когда она еще начинала судебным бухгалтером по делам мафии.

– И попробую. Хочешь, скажу новость?

...

– Знаешь, кому принадлежит «мерс», на котором ездит этот тип. Ну, который там, у офиса стоял?

???

– Михаилу Гришману!

Рифкин удивленно поднял брови

– Ты уверена?

– Точно. Пробила номер.

– Ни хрена себе... это получается человек старика Гришмана?

– Возможно. И скорее всего кто-то уже несет в суд habeas corpus³².

– Че-ерт.

– Нам нужен не он. Нам нужна информация по Брю.

– Давай, я попробую.

– Ты? Ты же работаешь в разведке.

– Ну... это не мешает мне попробовать, так?

– Так, но...

Алана уже допила свой кофе и решительно поднялась со стула.

Я ошибся. Одно из двух. Либо выпустить, либо прессовать. Но того, что сделали они, я на самом деле не ожидал. Совсем.

Открылась дверь, но вошел не адвокат, не прокурор, не этот тип, а... Алана! Да, да, та самая Алана, которую я подцепил в ДжФК. Я даже это платье видел – оно у нее на стойке висело.

³² Особый приказ. Получив его, любое лицо, у которого в распоряжении задержанный, обязано доставить его к судье.

Твою же мать...

Это что – подстава? А что – запросто? Вопрос в чем – смысл? Компромата тут никакого быть не может – был секс и был, что с того-то. Жены у меня нет, шантажировать скандалом и разводом бессмысленно. Тогда что?

И пока я это думал, дамочка, которую я сутки тому назад пользовал, уселась на место, на котором только что сидел нью-йоркский еврей (спорим, бывший атторней), и выложила на стол фото. Мне одного взгляда было достаточно, чтобы все понять...

– Как это произошло?

Я сразу узнал машину Боба – он гордился ей. Старый пикап «Форд Ф-250»... пять литров, восемь цилиндров, честный полный привод и усиленная подвеска, никакого алюминия, одна сталь. У него была нахлобучка, закрывающая кузов, – такие любят ставить охотники и рыболовы, потому что тогда можно будет расстелить в кузове спальный мешок и ночевать, и не платить за мотель. Боб бы так и сделал. Он ни за что бы не заплатил за мотель...

– На дороге. Машина внезапно потеряла управление. Загорелась и взорвалась. Мы предполагаем, что это не случайность.

– Он... возил канистры с топливом в кузове, – сказал я, – две или три. Говорил, что... на всякий случай.

– Есть признаки того, что они и взорвались. Кто-то обстрелял машину. Бронебойно-зажигательными...

...

– И мы хотим понять, кто это сделал.

Я так ничего и не сказал. Ищите лоха. Просто сказал, что говорить ничего не буду, и все, с концами. Через четыре часа зашел этот... прокурорский и сообщил, что я свободен...

Мне выдали то, что у меня забрали, и открыли передо мной дверь. Я вышел... за спиной было что-то вроде бетонного торгового молла, только высотой в десять этажей, а передо мной – бескрайние поля припаркованных машин. Здание было больше, чем основное здание ЦРУ, и оно было не единственным... я же говорю, нет больше демократии. Предположив, что общественного транспорта здесь нет, – я зашагал туда, где, как я полагал, была федеральная дорога.

Боб, Боб. Кто же тебя так...

Федеральная дорога оказалась дальше, чем я думал, – она провела меня через рощу, явно посаженную специально, чтобы скрыть спецобъект – все деревья примерно одного возраста и высоты, – а потом пошли засаженные пшеницей поля. Но я шел, напевая про себя песенку легиона про мужчин, которые отправляются в Африку, и которая поется ровно за восемьдесят восемь маршевых шагов. Пел – и старался ни о чем не думать...

За спиной пропиликал сигнал притормозившего «БМВ»-кабриолета. Я обернулся... Алана махала мне рукой. Понятно, вторая часть Мерлезонского балета...

– Решила вас подвезти...

Я обогнул машину, молча уселся на сиденье, подрегулировав его под себя. Алана тронулась с места, нажала на газ намного сильнее, чем требовалось, – до визга шин...

Хватило ее ненадолго – мы выскочили на федеральную трассу, покатали в сторону Нью-Йорка. То, что в сторону Нью-Йорка, я понял по идущим автобусам...

– Вчера вы были любезнее, – наконец не выдержала Алана.

– Леди, мой друг и компаньон тогда был еще жив. И меня не роняли на землю под дулом автоматов. Если вы считаете, что простых извинений за доставленные неудобства будет достаточно, – вы сильно ошибаетесь.

– Мы на одной стороне.

– Я заметил.

– Послушайте!

...

– У нас есть работа, и мы обязаны ее делать! И делаем! Я понимаю, что вы не американец и не обязаны нам помогать, но поверьте, будет лучше, если вы все же расскажете нам все, что может помочь при расследовании гибели вашего компаньона.

Я покачал головой.

– Леди, вы в очередной раз ошибаетесь. Я американец...

Давно не ездил на метро в NY.

Метро по сравнению с московским и даже с парижским – грязная помойка. Низкие потолки, лестницы вместо эскалаторов (в британской подземке вообще лифты), полно всякого жулья. Так как метро строили несколько компаний – оно построено бестолково и часто неудобно. Но оно – работает...

Так что под вечер этого дня подземка изрыгнула меня, уставшего и пережеванного около своего дома. И вроде все, как всегда, но...

Почему все не так? Вроде все как всегда:
То же небо – опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя³³.

Паскудно. Паскудно терять друзей, но еще паскуднее – вот так вот. Там хоть была война, был контракт, и мы все понимали, на что мы идем и чем мы рискуем. А тут...

С...а.

С одной линии на другую. Спертый воздух, низкие потолки, какие-то то ли музыканты, то ли попрошайки.

Арт-стоп тут у них.

С трудом подавив желание дать в морду, поднимаюсь вверх. Ближайшая ко мне станция. Такси звать не буду, пройду пешком.

Боб, твою мать. Боб.

Если так задуматься – я почти и не знал про него ничего. Я, например, не знал, как зовут его родителей – он говорил, по-моему, но я забыл. Или не забыл. Он вообще мало говорил, зато никогда не подводил. Он устраивал меня, а я устраивал его. Два человека с прошлым, которые не хотели влезать в дела друг друга и уважали друг друга и то, чем они занимаются.

Теперь придется иметь дело с наследниками. И их адвокатами. И как назло дяди Миши нет. Интересно, сколько они запросят за долю? Сейчас рынок на подъеме, так что запросить могут много...

Черт!

Я так задумался, что напоролся на какого-то ни... простите, афроамериканца, никак не могу отказаться от своих легионовских привычек.

– Сорри.

³³ В. Высоцкий.

Тот, сказав что-то недоброе, продолжил путь.

Блин...

Легионеры имели три возможности снять стресс. Напиться. Подраться. И сходить в полковой бордель, который существует и поныне. Что сейчас из этого делать мне?

Позвонить этой... да, она мне номер оставила. После того как подвезла до дороги, а перед этим – допрашивала меня в этом долбаном Хоумленд. Кто она? И что ей надо? Что-то мне подсказывает, что, если я позвоню, она ответит с радостью. Но мне это надо? На хрена мне играть в эти игры.

Боб, как же так-то. Как же так – ты выжил в Ираке, в долбаной песочнице, ради того, чтобы тебя замочили тут вот так вот...

– О... сорри.

Какой-то негр, бежавший на посадку, наткнулся на меня, чуть с ног не сшиб. Извинившись, побежал дальше.

Фак...

Вышел на улицу... Нью-Йорк, Нью-Йорк, он был передо мной во всем своем суетном величии. Все куда-то спешили, и никому не было до меня дела... как и до того, что погиб отличный мужик, который защищал всех этих людей и их спокойный сон в таких местах, о которых они даже не слышали.

Стоп.

Мне вдруг пришло в голову, что то, что со мной произошло на выходе из метро, это типичный трюк карманников и сейчас очень кстати было бы проверить, на месте ли мой бумажник. Чем я и занялся, надеясь, что негр еще не уехал и его потом можно будет опознать, хотя... какого черта?

Бумажник был на месте, он не пропал. И ничего другое не пропало. Проблема в том, что у меня в кармане было то, что я туда не клал.

Телефон.

Я достал его и посмотрел... это был бернер, ничего особенного. Повертел в руках... опа! На обратной стороне приклеена записка с номером.

Звонить?

Вспомнился этот афроамериканец... это что – провокация? А если бы и так...

Набрал номер. Ответили сразу.

– Слушай внимательно.

Опа!

Одна из проблем современного мира – в нем ни в чем нельзя быть уверенным. Нельзя быть уверенным в том, что завтра у тебя будет работа, что банк не отберет у тебя жилье и не выставит тебя на улицу, что, наконец, за тобой не следят. Технологии слежки с появлением Сети и дронов претерпели огромные изменения – теперь можно подложить RFID-маяк и следить за любым объектом на земле, не выходя из офиса. Но есть методы и способы, как выжить и не посадить себе на хвост федералов даже в такой ситуации.

Первым на пути попался магазин COS, я зашел в него и переоделся с головы до ног. Оделся в омерзительном стиле «нью-йоркского хипстера» – то есть полумужчины, полупацана, – ничего, потерплю сколько-то. Свою старую одежду я попросил упаковать – почтой отошлю на свой адрес. Во-первых, она мне дорога, во-вторых, если там что-то есть, то это надо отдельно проверить.

Решив вопрос с одеждой, и старой, и новой, – я кликнул такси. Назвал адрес в Бруклине, протянул водителю две бумажки по десять долларов.

– Мужик, я твоим телефоном воспользуюсь, если ты не против?

Таксист – это, похоже, был пакистанец, много тут таких – настороженно кивнул, отдал мне свой телефон, старый, но лучший в такой ситуации – чем старше телефон, тем сложнее к нему подключиться. Я набрал номер, который был записан на обратной стороне бернера, конечно же, я его помнил наизусть.

– Алло.

Голос Боба. Это точно.

– Что на хрен происходит, что случилось?

– Заткнись и слушай. Мне нужна помощь.

Б...

– А мне нужны ответы.

– Я сказал, заткнись!

...

– Все серьезнее, чем кажется.

– Это я уже понял. Ты в курсе, что меня арестовала безопасность и мне пришлось отвечать на вопросы?

– Я знаю. Они не уверены, что им удалось меня убрать.

– Кому им?

– Ты хочешь мне помочь или нет?!

– Да, но я должен понимать, во что я влипаю.

Боб помолчал:

– Хорошо. Но я тебя предупредил...

– Дальше.

– Помнишь, я рассказывал тебе про одно место недалеко от города? То, где не любят чужих?

– Да.

– Будь там завтра. Я тебя найду.

– Как найдешь?

– Это мои проблемы. Просто будь там. И привези что-нибудь для меня.

Связь разъединилась.

Радоваться, что Боб на деле оказался жив... я просто не успел. Все произошло слишком быстро. Мир летел на меня подобно груженому самосвалу, потерявшему тормоза, и мне надо было как-то от него уворачиваться...

Я достал еще денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.